

СМЕНА

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Год издания тридцать девятый

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

11

ИЮНЬ
1962

МОСКВИЧИ

ФОТОРЕПОРТАЖ

А. КАНАШЕВИЧА
и А. ПЕРЕХОДИНА

Галина Соколова и Светлана Бородан, бывшие обмотчицы Московского завода имени Владимира Ильича, стали теперь заправщицами сибирячками.

Помните, в шестом номере нашего журнала была помещена фотография комсомольцев с Московского завода имени Владимира Ильича! Они одним из первых откликнулись на призыв мартовского партийного Пленума и обратились в Московский горком комсомола с просьбой направить их на работу в любой сибирский союз. И за несколько дней до открытия XIV съезда ВЛКСМ комсомольский шезлонг выехал в Тюменскую область.

Мы решили разыскать ильичевцев — Светлану Бородан, Людмилу Миндич, Галину Соколову, Владимира Мотыгина, Виктора Афонина, Вячеслава Яшкина и Ольгу Федорову — и узнать, как они устроились на новом месте.

Юрий «газика», в котором едет секретарь Голышмановского райкома комсомола Алексей Коток, проезжает по угодьям совхоза «Ражжский», раскинувшимся на целых тридцать тысяч гектаров. Куда ни глянешь — поля и уходящие к горизонту березовые рощи. Березки словно приготовились к выходу на сцену: молодые, стройные, украшенные свежей листвой... Недалеко от большака трактор с тресом сожалеет.

— Ильичевцы здесь? — крикнул Алексей.
— Есть металлурги с

«Серпа и молота», строители, станочники, — высузились из кабины трактора загорелый парень с веселыми карими глазами. — И даже с «Шарика», как я, например. А ильичевцы на других объектах.

Знакомимся. Тракторист Евгений Хазанов — бывший наладчик Первого государственного подшипникового завода. Прицепщики — тоже москвичи — восьмидесятилетние ребята Терентий Улитин, Алексей Стржанов и Александр Першин. Но для разговора у ребят нет времени: идет сев. Подкатыва-

ет машина с торговыми семенами, прицеппики споро загружают бункера, и плывет над полями полюбившаяся работам песня о дальних дорогах, переделанная на целый новый лад:

Давай, тракторист,
потокоченчу трогая
И песню в пути
не забудь...

Хазанов извиняется:
— Интервью закончим
после смены...

Трактор медленно трогается с места и идет навстречу солнцу.

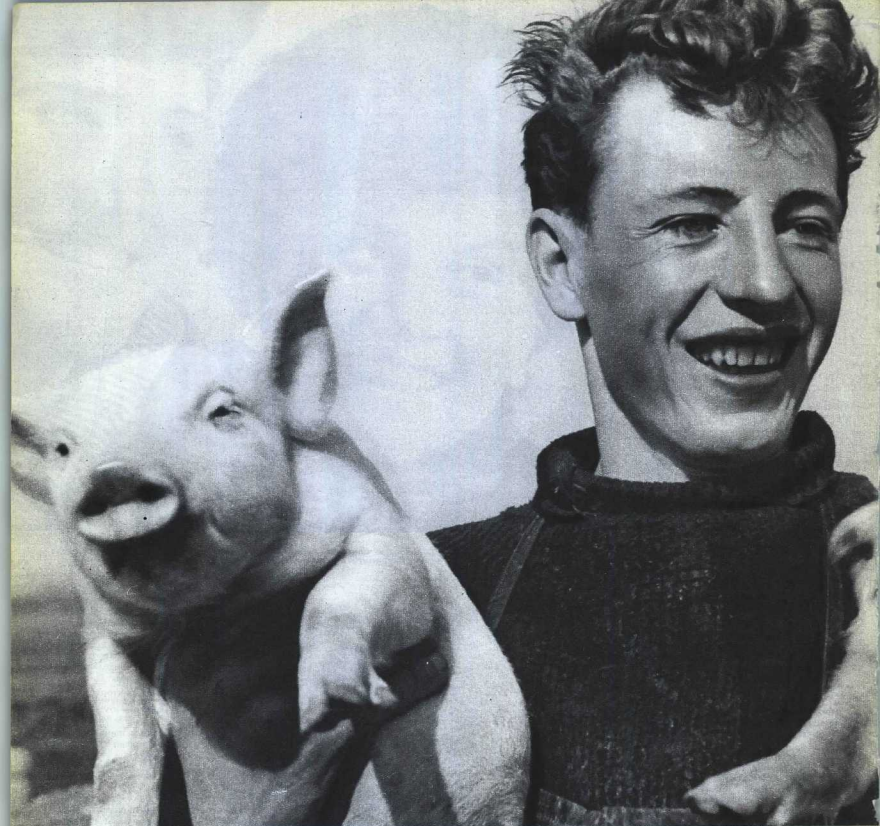
...Когда поздно вечером мы вновь повстречали Евгения Хазанова и прицеппиков, их лица покрывала толстый слой пыли. Словно оправдываясь, Терентий Улитин сказал:

— Погода в этом году необычная. Снег сошел ранней весной. Выдали над полями мартов! Сил наш основной враг. Земля сохнет. За трактором «неотступное облако пыли. За день солнце «ворует» с каждого гектара

Новая хозяйка телит Алла Бордашевская приехала своим подопечным «по душе».

— Еще один комбайн готов к уборке! — кричит дружка Юрий Удальцов.

МЕНЕЕ ПРОПИСКУ

Хороша сибирская земля! Агроном совхоза Лидия Вичужаннина и певец из Москвы Николай Федорук быстро нашли общий язык.

30 см.

центнер урожая. Надо спешить. Сов дружелюбный.

Директор совхоза Григорий Изгательевич Егоров ввел нас в курс дела.

— Москвичи работают на всех участках, без них было бы трудно. И, чего я уж меньше всего ожидал, многие стали заядлыми животноводами. Есть среди наших земляков и соперник Ивана Качанова — Борис Шурков. Он сейчас в свинарнике. Тут неподалеку, между в пятаках отсюда.

Борис Шурков — светловолосый, веснучатый па-

речь. Он был слесарем-сборщиком, и, когда приехала в «Разжеский», ему предстояло работать по специальности. Но Борис случайно заглянул на ферму да так и остался там. «Изославские» фермы встретили москвича недружелюбным взглядом.

«Для знакомства придется отложить свой обед и заняться приютываемым «поросятами», — решила тогда Борис. Он сменял пиджак на передник. Видя, как приезжий варенья орудует лопатой, перемешивая концентрат и отруби, свиновод Александр Корсаков подмигнул своей подруге:

— На первый раз отойди хвостик, а потом, помидор, будет бегать от свиней.

Но Борис не сбежал. Всю неделю он с рассветом приходил к своим подопечным, кормил их, поил, чистил, ремонтировал подвешенную дорогу.

Потом, приглядываясь к молодильку, Борис обнаружил целое стадо больших поросят.

— Нельзя их поставить на ноги! — спросил он у зоотехника.

— Кого? Этих рахитиков? Можно, конечно, — ответил тот. — Только возни много. Нужно вводить стрептомицин, кормить глюкозой. В общем, особый уход нужен.

«Что ж, особый, так особый», — подумал Борис. С неделю он провозился с «рахитиками». Часами в округе стоял поросячий визг: свиновод с любовью мастерила делала укола своим подопечным.

Вскоре большие пошны на поправку. Из трех десятков добрых три четверти выдоревало.

Рядом со свиноводом Шуркова раскинулся животноводческий ферма. За коровами ухаживают девица с «Трехгорки» — Лида Кириллова, Лида Тонина, Светлана Коромылова. Девушки ухаживают за своими подшефными буренка-

ми с таким же усердием, как еще совсем недавно трудился на тех же станках. А Анатолий Петухов, бывший металлург «Серпа и молота», ведет механизацию на ферме.

Механизаторы... Они были, как воздух, нужны в Разжеве. Ведь в совхозе сто члеников тракторов, пятнадцать автомашин, десетки комбайнов, жаток, сенокосилок... И вот в машинно-тракторных мастерских появились молодые москвичи. Владимир Золотов стал механиком, Вячеслав Никитин, Павел Пухов, Владимир Кузнецов — слесарями-ремонтниками. По вечерам ребята сидят за книгами: они готовятся к экзаменам на знание механизатора широкого профиля.

— Что касается меня, то и «принсип» вот к этой «самоходке». — Юрий Удальцов забирается на мостик одного из стальных кораблей. — Отремонтировала собственными руками не для чужого дяди. Приезжайте на уборку. Могут забронировать место штурманского.

Но нам все-таки нужно побывать у старых знакомых — ильичевцев. Нескольких часов пути верхом на лошадей, и мы на лесной делянке. Здесь наши ильичевцы заготавливают лес для строительства. Бригадой руководит Владимир Мотыгин. Он с гордостью рассказывает, что первое задание успешно выполнено в срок.

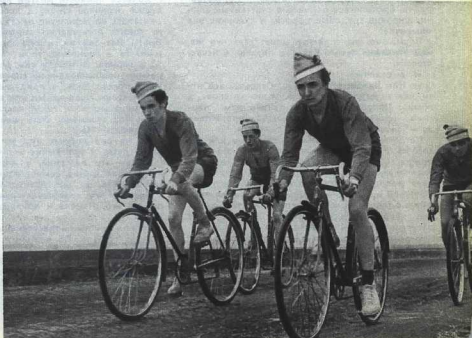
— Из машиностроителей мы превратились в лесорубов. Сначала не укладывались в нормы: много времени на дорогу. А вот получая ваточки, расположились лесным табором, и дело пошло на лад. Правда, у дежурных повозок прибавилась работа: все ребята дружно требуют добавки.

В дни работы XIV съезда комсомола москвичи из совхоза «Разжеский» получают постоянную сибирскую прописку.

Приятно после трудового дня осесть на велосипед...

Две бывшие трачичи с «Трехгорки», две подруги, две Лиды и теперь две доярки — Тонина и Кириллова.

М О Л О Д О Е

ДРУЖЕСКИЙ РАЗГОВОР

Моя близкая родственница еще в школьные годы решила стать балериной. Это желание у нее возникло в танцевальном кружке. Успех, аплодисменты вскружили ей голову. Тогда девочка не думала, что детены всегда вознаграждает покаяние, если они прочтуют стихотворение или даже очень посредственно пробырнат на роли «Чинчик-пышчик, где ты был!». Ну, в эсли оии, подражая известной балерине, изображают «умирающего лебеда», то тут уж умение взрослых не знает предела. Восторгаются даже промазами, неуязвостью детей. Моей знакомой девочке запомнил за то, что она, танцуя не в ритм музыки, кое-всех стил старалась как можно лучше показать свое танцевальное искусство.

Тогда я на правах старшего внушав ей, что балет вовсе не ее призвание. И вскоре об это подтвердили специалисты-хореографы. Но желание попасть на сцену было велико. Она стала пробовать себя в драматическом искусстве. Это продолжалось довольно долго. В результате она упустила юношеские годы и оказалась в конце концов человеком без специальности.

Недавно я спросил ее:

— Что танюю тебе в театре!

Она ответила без обиняков:

— Хотелось быть на виду. Хотелось почувствовать жаркую профессию...

Нарядная профессия! Профессия на виду! Не с чего то нередко начинается выбор профессии сотнями и тысячами молодых людей! Большинство из них последуют одну цель — быть знаменитым, а это значит, иианно расхвывают они, надо стать художником, писателем, композитором, музыкантом или певцом. В это, может быть, и нет ничего плохого. Хотя только одно стремление к славе не может быть правильной отправной точкой. Славяноварная и безжалостная чернотина. Скольким людям она сулила счастье, когда они, вооружившись пером пины и сочинив два-три стихотворения, брали все остальные счастливые профессии, ширине трудовые дороги. И сколько она обманула!

Возможно, вы спросите меня: «Так что же, нам заказаны пути в балет, в поэзию, в искусство...».

И я отвечаю:

— Нет, наоборот, открыты. Открыты все пути, как никогда и как нигде. И это не слова, а жизнь. Программы жизни, диния нам переплет, программы, позволяющие проявиться всем способностям и всем талантам.

Когда-то человек, ставший слепарем или лесорубом, пожеино ограничивав себя этой профессией. Так ли теперь! Нет, не так. Все увеличивающееся свободное время предоставляет молодым людям возможность, не теряя основной профессии, профессии, которая кормит и одевает, пробовать себя в искусстве, науке, изобретательстве, спорте, музыке, литературе... В любви из страсти!

И если ты поешь или танцуешь, пишешь стихи или рисуешь, так, что это привлекает вообще внимание, то разве не можешь ты-то-то заполнить твою способность, твой талант!

Нет!

В нашей стране жизнь устроена так, что никакое дарование не может бесследно пропасть.

Но я хочу спросить здесь: разве счастье, радость жизни, трудовая радость только в славе! Только там, где на виду! Нет ли в слонах стрельщины стать выше других, над другим чего-то себялюбивого, эгоистичного...

Обратится хотя бы к бригадам коммунистического труда. Разве личная слава движет их трудовые подвиги! Разве не сам труд и трудовая радость зовут их дальше и вперед!

Конечно, не все способны пренебречь «слава», «слом», личным и предать «наше», «общее», принадлежащее всем. Микроэгоистичное человека, его взгляды, стремления не карту, но шапка, которую сменить ничего не стоит. Новое не рождается по наветуию вожделюй «лапочка». Старая посылонина «Рыба идет, где глубже, человек — где глубже» еще действует. Однако беда, на мой взгляд, в том, что не все и не всегда понимают, ГДЕ глубже.

Одним кажется, что лучше сидеть в конторе, другое предпочтут поле, завод, ноостройку. Гаганова предпочла фабрику. Мамай — шахту. Не аз какие «солнечные места». Но никто не скажет, что Гаганова или Мамай «прогадали». Видимо, действует и другая русская посылонина: «Не место красит человека, а человек место».

Механизатор из Краснодарского края В. А. Светличный едва ли мечтал о мировой славе... Он просто добросовестно заручивал сатарную сеялку и стремился до пределов возможного механизировать труд, сделать сеялку дешелее. И сделал. Бригадир Светличный в шесть раз снизил себестоимость центнера сарной сеялки!

Дело, кажется, простое, а слава мировая. И когда Светличный оказался в одном ряду с такими знаменитостями театра, кино, музыки, то никому и в голову не пришло сказать, что он занял место не по чину.

Хочется привести второй пример. Одна девушка окончила школу с золотой медалью и оказалась на перепутье многих дорог. А когда их много, естественно, теряться, какую избрать. Вот так же и она издалась то в хляно, то в геологию, то в текстильную делю, то в горную. А между тем дорога была определена — необычайной способностью шить.

И не просто шить, а придумывать изумительные фасоны платьев. Но как ей было с золотой медалью в те годы, когда всеюду принимали без уважения, стать шведей! Подумалась, профессия! Но...

Но не без добрых душ на свете. Нашлась такая душа и вразумила ее, что всякая профессия — это искусство, и которую есть первая, вторая, третья, семадцатая, пятьдесят вторая ступень, но нет последней. Есть вечное и бесконечное совершенствование. И девушка поняла это. Поняла и приняла умом и сердцем.

Теперь она законодательница мод. Защищала учебную ступень. По платьям. По модем. По швейному делу.

Вот и разбираю, тут, какое место под солнцем, какое — в тени. Да и есть ли вообще тени! Не сам ли человек дает свет себе и другим, ес-

ли он способен светиться! И не сам ли человек, если уж говорить без обиняков, нигде затеняет светлое место, хорошую работу!

Существует мнение, что на свете нет бесталанных людей, людей неспособных. Есть люди, ошибочно избравшие свою профессию. Давно известно и народное речение о том, что если ты к работе приходишь родным своим или дочерью, то работа никогда не окажется для тебя мучительной. И дело здесь не только в призывании. Есть из свете еще и добросовестность. Конечно, труд по призыванию, по наклонностям всегда радостнее. И не может быть два мнения, что ступающий на трудовую дорогу, избравший трудовой путь должен исходить из своих способностей. Каждый из нас о себе знает лучше, чем кто-либо. Мне кажется, бесповедаю с самим собой на тему: «Что я могу, что мне лучше всего удается» — не плохой разговор. Как знать, может быть, в этом разговоре с самим собой, а потом и с друзьями возникнут иные стремления, чем думалось ранее. Может быть, захочется повторить юность отцов и начать трудовую жизнь на новом, не обитомом месте.

Повсюду у нас рождается города. Рождается новая промышленность Сибири. Рождаются новые края.

Как знать, чему ты будешь больше благодарен: станку ли завода в большом городе, где ты впервые приобщился к производственному труду, или дивственной тайге, где тобой и твоими товарищами будет основан новый населенный пункт!

В дружеском разговоре допустим и автобиографический абзац. Вот он.

Три года моей юности проехали в Кулундинских степях. Это была не та земля, что теперь. В те, двадцатые годы, когда мы о тракторе знали только понаслышке, когда электрическую лампочку можно было увидеть только на картинке, когда гранитный крестьянин считался редкостью, а конь — единственным способом передвижения, мы и в те годы находили радость созидания. Там становились на самостоятельную работу тогу или свертники, там закалился характер, там приобретались редчайшие навыки и умение.

Сибирь осталась в моей памяти, как великая школа, и самые трудные дни, прожитые в те годы, являются теперь светлыми воспоминаниями. Тогда утверждалась Советская власть. Теперь строится ее детинце — коммунизм. Строится реально, конкретно, планоно. И каждый школьный столб, каждая установленная лампа электророзетки, каждый кубический метр бетона, уложенный в тело плиты ГЭС, — это частичка материальной базы, технической основы коммунизма.

Подумаю, как радостно вложить это столб, уложить этот кубометр, амплить частичку своей души, своих сил в великое всенародное дело строительства! Хорошо говоришь об этом Делегированный представитель государственного комитета электророзетки.

Сказочная природа. Неземные богатства. Волшебная красота... Так неужели все это придет мимо тебя! Завеща кто-то, а и ты должен испытать радость, порадоваться грандиозному творческому созданию основателя города, завода, электрической станции!

НЦЕМ

Тебе хочется учиться! Ты боишься остать-
ся. Давай уж не будем прятать свое личное, ко-
рыстное... Ты боишься глуши, медвеж-
их углов!

Ты их не! Если у тебя в кармане всего лишь
маленький батарейный радиоприемник — ты
связан со всем миром даже тогда, когда ты
где-то на Енисее врубаешься в лес. С тобою
люди. С тобою наука. Умис. Овладевший зна-
ниями. Теперь иной время. Иной транспорт.
Иные средства связи.

Сахалин или Чукотка от Москвы неаногна
дальше, чем Тула или Рязань. Утром здесь —
вечером там. А сколько людей нарастали
Дальний Восток, Сибирь, Казахстан! У скольких
людей началось там первое радости стано-
вления!

Я много не уговариваю и тем более не ар-
бую в дальние края. Я в дружеском разговоре
просто советую хотя бы задуматься о них. Хо-
тя бы прикинуть и понять, что там, где так ино-
го деп и мало работников, люди растут быст-
рее. Скорее получают специальности, а полу-
ча, обогащают ее практикой огромных работ.
Характер харитеру рознь. Одним нравится
приходить на готовое, другие предпочитают
борьбу, создание, трудности и радости побе-
ды.

Зрелость — это и начало семьи. Семья — это
и жилище. Один ждет ордер на квартиру, дру-
гие выписывают ордер сами. Своими руками.
Строят. Создают сами себе место под солн-
цем. Настоящее место. И уют гнездо.

Для кого же просторы нашей земли! Для ко-
го ее неисчерпаемые богатства! Возьми в руки
географическую карту. Заново оглади ее гла-
зами хозяина. Хозяина, а не стороннего на-
блюдателя. И ты увидишь, как широк и прекра-
сен мир, какие тысячи неисчерпаемых возмож-
ностей тамт он и сколько радости и счастья
запасов для тебя, молодой человек. Оро-
шаемые пустыни Средней Азии. Реки, повора-
чиваемые вспять. Новые руды. Новые очаги
культуры.

И если тебе показалось, что свет сошелся
лишним на какой-то рудняшей лачке или
неудавшемся замысле, не вешай голову.
Умойся холодной водой. Огляди. Вспомни,
что ты вьезде дома. Везде живут твои братья —
советские люди. И ты всюду желанный гость, и
друг, и брат, и сын.

Конечно, выбор трудового пути не простое
дело, но этот выбор часто упирают до та-
кой степени, как будто решается вопрос жизни
и смерти.

Жизнь и только жизнь идет тебе всюду, и
чем она труднее, тем она может оказаться
счастливей. Все идет к тому, что каждый че-
ловек, где бы он ни жил, будет черпать пол-
ными пригоршнями радость бытия. Стираются
старые грани между умышленным и физическим
трудом, различия между городом и деревней.
Там стран не эти грани своих рук. Не ты
жди. Ведь не кто-то в ты, твою любимую де-
вушку, миллионы таких, как вы, и есть вели-
чайшая сила на земле, которой подчиняются
все силы и которой служат сама земля и все
ее благи.

Так бери же н! Делай светлым, солнечным
любим уголок страны!

Счастлив тот, кто любил

Ночи,
как реки,
Алины,
как ожиданье,
тревожны,
если уснуть невозможно,
чтобы приспался сын.
Но счастлив тот,
кто любил
верного сына Испанца!
Ты не уйдешь из памяти,
как на войну
уходи.

Счастлив тот, кто любил!

Ты разделана со мной
веру
в большую правду.
Праздник Свободы я справлю
вместе со всей страной.
Ею ты так дорожил —
верю

этой
гордо!
В битве с врагами
ты не склонил,
голову
а сажла.
Счастлив тот, кто любил!

Звезды
на землю глядят,
нашей любви свидетели.
Всеми звездами этими
ты награжден,
солдат.
Утром в Мадриде ты был;
вечером —
бой на Эбро,

где ты,
сражался храбро,
умер,
не отступил.
Счастлив тот, кто любил!

Гордостью я жива,
а ведь подумай —
сколько
перенесла я стойко,
плетрота адом!

Да,
счастлив тот,
кто любил
верного сына Испанца!
Ты не уйдешь из памяти,
как на войну
уходи.

Счастлив тот, кто любил!

Перевел с испанского
Е. СОЛОНОВИЧ.

Моя груша

Я на звон твоих листьев иду —
В этом мире он тончайший самый.
Ты стояла последней в ряду
Тех деревьев, посаженных мамой.
И на звон твоих листьев иду...

Это было прозрачной весной.
Когда солнце возло колодало —
И тебя раскачало волной,
И тебя от земли оторвало.
Это было прозрачной весной...

Вьжет яблоня белый веноч,
Брызжет сок из тугого граната,
Далеко вместе три моих брата,
Только и однок, однок!
Не вернуть мою грушу обратно...

Неуждал не знает она,
Что весной, когда лед раскочало, —
И меня раскачала волна,
Та волна, че название войны,
И меня от земли оторвала...

Перевела с испанского
Е. ЯВИЧ.

Риветель

М. БАРЫШЕВ

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОМИЛОВА.

РАССКАЗ

В распахнутое окно видно Хиг-озеро — просторная вода, уходящая в фиалетовые лесные змари. На чуднотой дорожке, брошенной солнцем вдоль озера, приклевлась к воде рыбацкая лодка. Когда рыбак замашивает удильцем, из воды вылетает короткая серебряная молния и, качнувшись в воздухе, мягко опускается в лодку.

В лодке перешивком Хиг-озеро отблескивает от такого же лесного великана Сланг-озера, на многих километры разлывшегося среди неоглядных основных боров. На перешейке чернеет опаленная земля. Языки подпалин, похожие на растопыренные пальцы, тянутся к бескрайним лесам Засоверья.

В личной комнате, набитой народом, заседает товарищеский суд Хиг-озера. Он судит меня, Андрея Шайтанова, учителя русского языка и литературы неполной средней школы. Судит за то, что я утопил три конны сена, принадлежавшие водителю мотовоза Петру Холодову.

Комната гулит, как река на перекате, и председатель суда нормировщик Кузьмин прерывает долго стучать карандашом по графину, чтобы установить тишину.

— Расскажите, Петр Иванович, как дело было, — обращается он к Холодову.

— Чего рассказывать, — говорит водтель. — В моем замыслени все описано... Утопил учитель мое сено, вот и весь сказ... Я каждое воскресенье косою на перешейке до седьмого пота махал, а он в один момент мои труды в озеро звалал...

— Так, — говорит нормировщик и смотрит на меня холодными глазами.

Я знаю Кузьмина. Жизнь он представляет в виде разграфленной конторской книги, в которой все аккуратно расписано по соответствующим графам и в каждой графе подсчитаны итоги. Я уважительно минутное замешательство предавался суду. Видно, он сейчас прикладывает, в какую из граф этой книги записать учителя, звавшего в воду три конны сена, накомешные водителем мотовоза...

— Обстоятельства дела расскажите, — говорит он Холодову.

— У Лешки спросите, он свидетель, — отвечает тот. — Хоть и сын мой, а врать не будет.

Лешка сидит слева от меня на широкой деревянной скамейке. При глухом голосе отца он вздрагивает и стискивает извердодубый рот. Мне хорошо виден профиль Лешки: У него так же, как у отца, большой мясистый нос над скользящим подбородком и темные глаза, прикрытые пухлыми веками. Глаза Лешки упорно смотрят в пол. Словно он что-то потерял и теперь изо всех сил старается разглядеть свою потерю в широкой прели между рассохшимися половыми досками.

Я знаю Лешку. Два года я учил его правильно, рассказывая ему о Пушкине и Шолохове. Весной я поставил ему янтркую по литературе за то, что из класса он один помнил вынуть то место у Островского, где сказано, как человек должен прожить жизнь.

— Скажи, Алексей, все как есть скажи, — говорит Холодов, тронув сына за рукав. — Лодка не бойся.

Лешка поднял голову, посмотрел перед собой невдавшими глазами, затем вдруг потух и еще больше съехался на конце деревянной скамейки.

Видно, с птеркой по литературе Алексею Холодову я потропился. Одно дело — знать читату, а другое дело — жить во ней. Сейчас Лешке, наверно, больше всего хочется, нагнув голову, нырнуть в толпу, ужасно проскочить к двери и без оглядки ударить из носка.

На месте Ленки я непременно бы удрал. Мне непонятно, что удерживает его на скамейке, под любопытными взглядами многих глаз. Что заставляет его молчать в ответ на настоящие просьбы отца и прятать глаза от меня...

Спросил парнишка—сказал Холодов и, поворожив шею влево, начал рассказывать, как было дело.

— На глазах у парня он сел в воду ялызма. Мы ему дедят доевран добру учить, а он воя козало.

Видно, Холодову было тесно вонких стальной рубахи, потому что время от времени он с силой выгибал шею и откидывал назад крупную голову.

Я слушал его и думал о том времени, когда мотоводитель Петра Холодова звали попусту Петюном.

Мы росли по соседству в поморском селе, находившемся километрах в тридцати от Хи-озера. Сейчас там осталось всего полсотни домов с прохудившимися крышами, в которых доживают все старухи, одолевшие еще в революцию. Все, что помоложе, разъехались по округе, где в тайге выросли леспрохозы, железнодорожные станции, рудники и мельники.

Петюна бы старшие меня лет на пять, но мое детство прошло вместе с ним. У нас, босовойгой деревенской молодежи, Петюна был коноводом. Он единственный из всех не считал нас маленькими и группами. Он тогда нас на лесные озера, где, используя от комарных укусов, мы вылаивали по десятку окунков, умудрявшихся цепляться за наши самодельные крючки. Он учил нас узнавать грибоные места, переплывать омут у мельницы и власть салки на курокоток.

Как тогда, а крепнигины приехали, мы венокотом таскался за Петюном по лесам, озерам и болотным лужайкам. Он разбирая наши игры, мирля и жакызма, утешля и распродражал нами, придуваема шпору и развлекал.

Я помню, как однажды Петюна организовала у себя сберегательную кассу и предлагал нам сдать в эту кассу все наличность. Я отнес в эту кассу воневкий рубль, подаренный мне отцом ко дню рождения. Теперь я могу признать, что а то время я учил два платка. Когда было объявлено о сберкассе, я разстращивая эти платки. Я купил на них в районном банке две оловянные баночки и до сих пор помню как их, нахорошенных в холмовое молоко.

Обстоятельства разлучили нас лет на десять.

Приехав на работу в Хи-озеро, я снова встретился с Петром Холодовым.

Вернее, сначала встретился с его домом. Когда я приехал в поселок, мне сразу бросился в глаза дом с веселыми резными наличниками, крашениными башмаками, с рубленными в лану галерию, торцы которых были заблаботно покрыты оубой. Точу, крышей бежала деревянная, знакомый мне до мельчайших завитков резной карниз.

— Не это? — спросил я у командира поселка.

— Водитель нашего. Петра Холодова,— ответил тот и, оглядев дом, добавил: — Из деревни приехал, родительский... Ничего домшко, складный.

Петром мы встретились хорошо. Он показал мне хозяйство, где все было устроено прочно и домытно.

Помню, когда мы осматривали огород, я невольно замолчался чудесным видом на Хи-озеро, открывавшимся с пригорка, где стоял дом Холодова.

Березок бы ты, Петро, сюда подсадица посади,— предложил я.

— Он снисходительно поглядел на меня и ответил:

— Отнесла ты от хозяйства, Андрей. Здесь березяку целым лес бы. Пока я его сажу, не один вольдар на руках заработаю. У меня на пригорке картошка посажена, а березка в самый раз от солнышка ее зародит... Смеяться надо.

Он пошел по участку, то и дело нагибаясь, чтобы выдернуть с аккуретной грабли сорняк или откинуть в сторону завалившуюся на дорожке пеньку.

Нельзя сажу в хозяйство помложа,— итеропаливо говорил мне Петр.— А все потому, что на шее у государства не хочу сидеть. Есть тут у нас горопалыво... Кричат на солнышке, что молоко в орсе не прододит, что картошка гнилая. А самим трахнуться лень, земля лень копать.

Я согласился с Петром. Но березок, сведенных им на пригорке, всетаки было жалко.

Петр потянулся мимо со своим сыном. Ленка сидела в сарай и пилебрала картошку, обрыная с клубней тонкие светло-зеленые ростки. Когда мы знакомылись, они протянули мне руку, и покочаке ее было шумужески крепким.

— Помощник мой,— с заглавной гордостью сказала тогда Холодов.— К хозяйству приучив.

Ленка кланялась отцу и взяла из мешка озерную гребет картошки с хлынами ростками. Мешок был обмысленный, а и подумала, что Ленка, наверное, просядит возле него весь день. Вещь чудесная летний день, когда солнце распылает по озеру веселые блики, в омуты всплескивает рубль, когда в зловонномотом осиннике куеует кукушка и на пригорках зреет земляника.

— Ты, Алексей, как с картошкой кончишь, садь посмотри. Утром я наазоровскую козу опит на огороде видел. Видно, это тварь где-нибудь лая шивала.

Ленка коротко кивнула головой и поглядела на меня тоскующими глазами.

— У тебя тоже, наверное, такая растеть? — спросила меня Петюна. У меня ничто не рос.

Зависая в холмоводках. Дом тогда заводит тебе, Андрей,— сказала Петр и, поглядывая на сына широко ладью, добавила: — Сынковой растить. То, что мы нажали, надо из рук в руки передать.

Когда в школе я стал распространять о своих будущих учениках, старая учительница Мария Степановна сказала мне:

— К. Алексеев, Холодову мы непременно пригласимся. Парень книжки любит. Если бы не отец, он бы залопот чинил.

Мария Степановна тоже сидела сейчас за столом с красной скатертью и слушала рассказ Холодова, то и дело поправляя очки, сползающие на курносый нос. Мария Степановна старательно прятала от меня глаза, словно судила ее. Но из судей, выбранных жильцами поселка, в холмовое село не вошла Елена. Знал, что она не будет много говорить. Она тихо спросит: «Как же это вы, Андрей Викторович, человека могли обидеть?» — и, млядя мне в глаза, будет ждать ответа. Что я ей скажу в оправдание глупости, которые я натворил на узком перешееке во время лесного пожара?

— Потом если к моей оловке изкудочка и перевернуха ее... Три конны сена по озеру так и пошалам. Ни травники не остопись,— продолжал рассказывать Холодов.

И все, что он рассказывал, было правдой. Действительно, у гнилина в омуте гнило только наклонившего Холодова сена. Утеша без всякого смысла, не отдавая себе отчета в поступках, хотя эти паршивые конны не имели никакого отношения к той истории, которая произошла на перешееке.

Главным в этой истории был Ленка Холодов.

Он сидел, съезжались, на кончике скамьи и старательно разглаживал на колени и без того гладкую штаны. Уша у Ленки были болы, как антики бумаги, и кожа на лбу сморщилась бугристыми складками.

— Ты скажи, что Ленка до сих пор не удрал из клуба. Что его удерживало здесь? Наверное, страх перед отцом.

В обстоятельном рассказе Холодова чувствовалась глужая сила. Только теперь я собрался, что друг моего детства — мужик не за робких. Всегда смелый, быстрый, сейчас и в таком состоянии и потахивая уша в Хи-озеро. Тогда он пойдет по-старому. Ленка будет перебрать в сарай картошку, носить веники для коз, садить за тем, чтобы в заборе ненароком не образовалась какой-нибудь лая. Будет помогать отцу по хозяйству и день за день забивать про кинжаль.

— Нет, Петюна, из Хи-озера я выехать не учу. Я заплачу тебе деньги за улощение в озере конны и буду рассказывать твою сыну о Горьком и Маяковском, о Диккенсе и Толстом. Я выведу его за калитку твоего дома, где ради лишнего мешка картошки ты свел под корень березовую оловку.

— Понятно,— задушево сказала нормирочник, когда Холодов кончила рассказывать и уехала на деревянную скамейку рядом с сыном.— Теперь Шайтанова послушаем... Для порядка, так сказать.

Ленка еще ниже опустила голову и смеясь, сказала над его головой заветную фразу.

Я начал рассказывать людям, что случившееся недалеко тому назад на узком перешееке между двумя озерами.

В июне стояла необычная для здешних мест зима. Каждый день солнце выливалось из-за облаков, громадные волны и потахивая на пальцы не превращую к жару земью. Высокая болота, и белым итемным уже не брнужина под ногами, а ломко хрустит, расламывая, как песок.

В Хи-озере вода осела на добрый метр, обмывавши узловатые конны ивынки и засушив осыпи на отмыках.

Несколько дней Петр кланялся выходя на небо разбавившее жидкое фиолетовое пятно и кто-нибудь из старожилов, приставая ко лбу ладью, вглядывался и определял:

— У Шундурчи завалось.

Петр имел детскую охрану сбрасывал над поселком звездный вымысел, и шумный навалом лесочуатая снимал бригады с лесотк, раздавая лопаты и ведра, был из орсовского магазина консервы, и лесорубы уходили тушить пожар.

Люди изумичились на пожарах. Они возмущались в поселок с горелыми просеками на оловке, с воспламененными глазами, с ожогами на руках. С надеждой смотрели мы в те дни на самую крохотную тучку, палмущую над холмом. Но, словно поговору, тучки были нарядные, летние, как набоны ваты, и не роняли на землю ни одной капли дождя.

В конце июня случилось то, чего с тайной тревогой уже давно ждал лесной поселок. Дымный хвост вост из леса недалеко от поселка, возле делянки первой бригады.

И в это время был на рыбалке, километрах в пяти от поселка. Устроившись у зарослей мальвышки в холмоводках, Ленка раскаял таскала а на воде лодка лгачные кукушки, я итеропаливо таскала увесистых окуней и крупных плотичек.

К полудню я решил перекусить. И только тут, выбравшись из заливчицы, я увидел, в стороне поселка дымный хвост над лесом.

Я вылез из лодки с рыбкой, и сматая удочки и, наметая на весла, погнав лодку к поселку.

Через полчаса я уже оказался у перешеека, разделявшего озера. Перешек был низкий. В половине его местами звалила вода. Когда она скатывалась, на нем оставались раскисшие кусты земляки, а лотом выстрала буйная, в пояс, трава.

Черный столб дыма, поднявшийся над лесом возле поселка, угрожающе загибался к перешееку, и я уже тогда подумал, что худо будет, если пожар просочит в неспокойное Зоозеро, в бескрайние заповедные леса.

Ухо всех сил валеая на весла, я гнал лодку в семь метров от берега, мимо прибрежных кустарников, бесечно свесивших над водой раскислистые ветки.

И дымок, выходящий, что в густой олове пригнутой к берегу черная обломьята плоскодонка, я узнал ее. Это была плоскодонка Петра Холодова.

— Петр! — крикнула я, увидев всех сил, пристав в лодке.— Лес горит! Сажайся!

На мн кричал никто с берега не отозвался. Это показалось мне непонятным. Я хотел уже повернуть лодку к берегу, но потом подумал, что сейчас некогда выяснять, почему оставлена лодка, а нужно скорее спешить к месту пожара.

Я вылез из лодки на берег и круче заворачивался к перешееку. Тревожно кричали ворона, стаяй кружились над нимком. По столбу вы-

соченной сосны бегало подсажка белок, где-то назойливо стрекотала сойка.

Смолце проглядывало сквозь дым гуславо, положек на старинный, красной мели пятак.

До поселка я не дошел. Там, где стена соснового бора обрывалась у перешейка, я увидел клубы дыма, а между ними змеистые язычки, бегущие среди кустов явнява.

Видно, огонь всезаветно завернул в сторону от очага пожара, где люди бились с ним, стараясь преградить ему путь к поселку, к погорелым эстакадам на лесных дельниках, к узкоколейке. Οι вороски подбирались к перешейку, чтобы перемануть в Заозерье и там разгуляться вволю.

Змеистые языки густели на моих глазах. Иногда они встречали на пути суходостойное дерево и взлетали над кустами надрывной огненной свечкой, разбрызгиваяшей в стороны светлячки искр.

Когда я выскочил на берег, пожар на перешейке бушевал восток. Платные кусты явнява, на которых каждое поповодье оставалось пере-сохшие пучки травы и мха, домытые веточки, сухие листья и прочий лесной мусор, оказались для огня лакомой пищей.

Подбежав к очередному кусту, огонь осторожно лизал темные корни, смолно примериваясь, как лучше броситься на добычу, затем избегал на куст тлосных травяно-железных зверьков и вниз разбрасывал жергной полг ламени. Секунду-другую куст светился розовыми отблесками, потом топан в клубе белого дыма. Когда дым рассеивался, на земле оставались две-три чадившие головешки.

Сматив со себя мантию свой алатырь рубацонный дымки, я извогдал его в воде и побежал туда, где в клубящемся дыму бегаю по траве проворные огненные зверьки.

Я привнес востро хлестать их мокрым ватником. При каждом ударе зверьки расплывались снопами искр, взлетали тучами хлопоты, шлепая струйками едкого чада.

Но стоило мне отойти в сторону, как они злобно таранились красными угольками, выскочивали из пелла и снова жадно лизали сухую траву, распривчая ее огненными заглками.

Слома голову я бегал из края в край и шлепал по земле мокрым ватником, топтал сапками головни и вырывал траву вокруг кустов, чтобы не поддуться к ним огонь.

Огонь опалил мое лицо. Я чувствовал, что кожа на нем высохла и натрусилась так, что было больно вискам. Дым перешел в горло, глаза слезились. С ног до головы я был засыпан копотью. То и дело на одежду попадали угольки, и мне приходилось вскрикивать от внезапных ожогов.

Слабы были нервы. Пожар госила меня метр за метром. В суматохе я не заметил, как он подобрался к тому месту, где я оставил лодку. Когда я спохватился, она уже отплыла от берега, сплотив с носом дымки-прыжки (фитиль перегоревшего троса...

— Без лодки, значит, остался,— неожиданно перебил меня Кузьмин. Он сидел за столом, подперев подбородок двумя кулаками.— Водь тебе пожар мег в Заозерье утуть... Там бы ты а два счета охотурался.

Только сейчас я сообразил, что оставшись тогда без лодки на узком перешейке, я рисковал жизнью. Мне не приходило в голову, что пожар мог тогда унять меня в Заозерье. Как же он мог унять, если туда он не должен был пройтись!

— Выдавай же утку, по озеру,— ответил я Косте. Кузьмин, услышав мой ответ, надворничю двинул губами, Мария Степановна беспокойно скривнула ступом.

Я стал рассказывать дальше. Конечно, мне одному не удалось бы погасить пожар. Я уже еле держался на ногах и задыхался от дыма. Одежда была в подпалвах. Ватная куртка, которой я хлестал по огню, тдела во многих местах едиким, воничим дымом.

И тут огонь уткнулся в широкую выкошенную поляну, противупающую через перешейку. Огненные зверьки, лизнув с налету колючую, скошенную под корень траву, враз погускинали, расплывались неспрами и задвигали чадные хвостами.

Огонь стал тухнуть сам по себе. Обрадовавшись передешке, я побежал к берегу и кинулся с головой в воду, чтобы охладить лицо, унять зуд, обожженные концы на руках и ногах, сморчать потрескавшиеся губы. Я жадно гнал воду, шлепая ею на лицо, на плечи и тоскливо смотрел на хвостатые дымки, чадившие на пожарнице.

Я знал коварные повадки «низового» лесного пожара. С виду затихнув, огонь уходит в землю, прячется в сухом торфе, непринимно тлея в трухлявом бурвале. Потом, набрав силу, зарывался на простор, и все начиналось сначала.

Скошенная поляна мне казалась ненадежным препятствием для огня. Стоило подняться ветру, он легко переманит через поляну и снова запылает во всю силу.

И тогда мне уже не сдержал пожар. От усталости у меня рябило в глазах, руки висели, как плети, голова была свищовой, туло ныло поясница.

Отмокнув в холодной воде, я выполал на берег и усеял под кустом нехлещ, собирая, что мне делать, адыние.

Дым восте поселка стал мелее. Видно, там удалось сломить пожар. Потеряв свою силу, он еще дымил среди ональных деревьев, всплескивая то тут, то там ярким пламенем дотрагиваясь головней, потухнуть которого было ветруду.

И решил добраться в поселок, привнести на перешейке людей и ути-чтожить до последней искорки огня, притивнившись у края скошенной поляны.

Сгладившись вокруг, я увидел свою лодку метрах в трехстах от берега. Ее медленно отплыло на середину озера. Смоганные улочки сыротно лезла на коряге.

— Я со страхом подумал, что до лодки придется добираться вблыв, но тут вспомнил про плоскодонку, которую я видел у перешейка.

Счет времени был потерян. Я не знал, сколько мне пришлось слыть на

с огнем: полчаса или два часа. Не знал, стоит ли на месте плоскодонка. И все-таки побежал разыскивать ее. Сплотыкаясь о кочки и делаясь прохороми на платые за кусты явнява, я из последних сил бежал по перешейку.

Холодова я увидел неожиданно. Вывернувшись из-за куста, я едва не наткнулся на него. Вывален на себя такую вязанку сена, что излода, нее были видны лишь задники резиновых сапог, мотодворитель тащил ее к берегу.

— Петро! — Я ухватился за веревку, которой была опутана вязанка.— Ты здесь?

Качнувшись из стороны в сторону от моего рывка, Холодов высколзнула из-под покладки, как уж из травы.

— Чего заглянешь, леший тебе ваял!.. Едва хребтину на спину. Что строгосло?

— Лес на перешейке горит,—торопливо заговорила я.— У скошенной поляны огонь затух... Людям надо.

— То горит, то затух— хрипло сказал Холодов.— Сказывай толком. На перешейке, говоришь, горит?

Я кивнул головой.
Холодов вытер с лица пот рукавом сатиновой рубашки и сказал, в упор глядя мне в глаза:

— На перешейке нечему гореть... А кусты спалит, на тот тод трава будет гуще, укосистей.

— Пожар в Заозерье может проскочить.
— Ты же сказал, что он затух,— насмешливо оглядела меня он.
Видно, я и в самом деле был смешен в мокрой, с прорехами одежде, орущий на весь лес про пожар, который уже погас.

— Чего гиряку-то пороть... Этих людей до смерти напугать можно. Вскочил из-за куста, как черт из бани...

Он насмешливо колынул меня глазами из-под густых бровей и деловито стал загибать ослабевшую веревку.
И тут я почувствовал, как во мне нарастает холодное бешенство.

Я стою перед ним с ног до головы мокрый, с волос по лицу текли струйки сажи. Я до смертельной усталости хлестал огонь мокрой курткой, а Петюня забойливо подтягивала веревку, чтобы ненароком по пути не вывалилась у него клоака сена из вязанки.

— Лес горит,— упрямно сказала я мотороводителю, стараясь заглянуть ему в лицо.— Бросай к черту свое сено! Бросай!

Я уже не помню, что я еще кричал Петру в эти минуты. Я кричал, а он, взгромоздив на спину вязанку сена, неторопливо пошел к своей площадке.

И, поверьте, мне не хотелось его догнать...
«Ахдно, один осляно»,— зло подумал я и повернулся, чтобы уйти. Может быть, все кончилось бы спокойно и мне не пришлось сейчас отвечать перед товарищеским судом.

Но тут я увидел Лешку. Он стою возле куста, ухватившись рукой за ветку, и смотрел на меня широко раскрытыми, испуганными глазами. Лицо у него было красным, рот плотно сжат. У ног Лешки валялась вязанка сена.

ЧУКОЧКА ИЛИ ДВА ДЕРЕВА

— Ты чего уставился! — крикнула я ему. — Беги скорей за папашей, а то выши козы без сна оставишь. Крудики поради!

У Лешки взгляд по-малышски задрожал побородок и глаза стали беспомощными, растерянными. Он глотнул воздуха и вдруг тихо сказал:

— Можно, я с вами пойду, Андрей Васильевич?

Его тихий голос вернул меня самообладанию. Я вспомнил, что Лешка — мой ученик, а я учитель русского языка и литературы.

— Конечно, Леша, ты пойдешь тунити со мной походом. Отец один управится с работой, а ты поможешь мне. Надо спасти лес. Ты слышала, как я кричал?

Лешка испуганно встала глазами и, помочав, признался:

— Слышала...

— Почему же вы мне не откликнулись?

— Тятка не велела... сидеть голому, сказал Лешка. — Пожар, говорят, здесь и без нас погубит.

— Ты поверил ему? — Я спросила Лешку, знала, что сейчас ему нельзя дать ни малейшей лазейки, чтобы уйти от разговора напрямик.

— Ты поверил ему?

— Нет, — выдохнула Лешка. — Побоялся... Тятка велит его всегда слушаться.

— Сейчас ты не боишься идти со мной?

Лешка отрицательно покачал головой и почему-то потуже застегнула ремешок на брюках.

Мы побоялись с ним по пережить.

И в это время сзади раздался крик Петюши:

— Лешка! Куда тебя понесло! Вертася назад!

Откликнувшись, я увидел, что Холодов догоняет нас. Он бежал, ширококачели, приземистый, грубого типа сапогами. В руках у него был мохоч веревки.

Лешка взглянул на меня и не остановился. Он бежал рядом со мной, и мне было хорошо слышно его прерывистое дыхание. Когда топот Петюши стал наступать на нас, Лешка ускорил бег и обогнал меня. Видно, ему хотелось, чтобы я оказался между ним и отцом.

Холодов быстро нагнал нас.

— Тоби, тебе черт! — крикнул он над моим ухом так, что Лешка сразу словно сплутнулся о невидящую претраду.

— Отца не слушаешься! — Холодов рывком схватил Лешку за плечо и повернул к себе. — Я за тебя сено буду носить!

— Он со мной идет... стараясь говорить как можно спокойнее, сказал я Петюше. — Он будет доводить, что можно споконнее, сказал я Петюше. — Он будет доводить, что можно споконнее, сказал я Петюше.

— Нечего ему с тобой бездельничать, — змырнул тяжелыми, похаживающими на свиные пальцы глазами, обогнал меня Петюша. — У него работа есть. Зачем малышнюку славиваете!

И сам побоялся с Андреем Васильевичем, — сказал Лешка. — Не буду я сено носить. Все люди на пожаре, а мы...

— Сейчас я тебя научу, как с родителем разговаривать, — оборвал его Холодов и, коротко взмахнув рукой, хлестнул Лешку собранной в моток веревкой.

Лешка тутнул голову в плечи и, как забиток в куст, нырнул за мою спину. Холодов снова взмахнул веревкой. Защищая Лешку, я подставил согнутую в локте руку, и хлесткая удар веревки прилетел мне по обожженной кисти. И тогда, не помня себя, я ударил Холодова кулаком в лицо.

И замочала. И только тут слышу напряженную тишину в тесном помещении красного уюлка. Кто-то, шевельнувшись, скрипнула склячковой, и этот надсадный деревянный скрип холодом резанул меня по душе.

Я поднял голову и увидел, что в упор на меня глядят сотни глаз.

Верит мне и не верит! — крикнул он над моим ухом так, что Лешка сразу словно сплутнулся о невидящую претраду.

— Так было дело, Алексей? — спросил Кузьмин.

Лешка встал и сказал, что дело было так, как рассказка Андрей Васильевич, и заплакал. Плакала он почти беззвучно, уткнувшись лицом в старенькую кенку. Тут мне стало понятно, почему Алексей Холодов терпеливо сидел на скамеечке перед товарищеским судом.

— Умился, чего разникнулся, — сказал сыну Холодов. — Ступай домой.

Лешка встал и, глядя себе под ноги, пошел из красного уюлка. Собранные расступились перед ним. До самой двери он шел по людской коридору, не смея поднять глаз. И горе его было так велико, что никто не решился сказать ему ни слова в утешение.

— Зачем сено у Холодова из палосколки в воду вывалили? — неожиданно спросил меня Кузьмин.

— Не знаю, — честно признался я. — Не стояло его вываливать... Не в сене дело было.

— Не в сене, — согласился нормировщик. — Значит, у лодки опил стелмусовый?

— Опил, — выдохнул, сказала я, сознавая всю глупость своего поведения на перешейке.

— Сиди мы с Лешкой прибежали на свинопаную дольнику, там уже были люди, приехавшие из поселка. За полчасика мы успели с отцом, и я, раздобыв лодку, поехал на озеро собирать сено. Удочки оказались целыми.

— С парнем теперь что будешь делать, Холодов? — тихо спросила водителя учительница Мария Степановна. — Он ведь в тебя веру потерял.

Тот молчал, не смея взглянуть в зал, который ждал его ответа. Я понял, что первый раз в жизни Петр Холодов не знал, как ему отступить, как поступить...

Я смотрел в окно. Отсюда было хорошо видно темное пятно пожара на перешейке между двумя алтурскими лесными поселками.

Сильные сосновые бревна. Тихий ветер шелестит в прибрежном молодике.

Где-то там, среди деревьев, одиноко бродил сейчас взрослый человек Алексей Холодов и думал, как он будет жить дальше.

О точности истории мечтала давно. Достаточно сказать, что до самого последнего времени ученые расходились на целые тысячелетия в определении, скажем, продолжительности существования древнекаменного и древнекаменного государств.

Уголь дает ответ

...Какой из двух кусков обугленного дерева древнее? Еще несколько лет назад археологи потре-

бовались бы точнее данные о том, где и при каких условиях они найдены, какие предметы обнаружены вместе с ними, как были расположены эти куски дерева по отношению к другим находкам. И все же ответ был бы дан весьма приблизительный. Если, например, это дерево из столбик человека каменного века, вероятность ошибки могла бы составить тысячекратно.

А теперь в лаборатории археологи не зададут никаких вопросов. Спрашивать будут только уголь. И он даст ответ.

Дело в том, что в каждом животном и растительном организме рядом с обычными элементами содержится их радиоактивные изотопы. Из них самый характерный — радиоуглерод. В человеке и улитке, ссене и травянике процентное содержание его примерно одинаково. После смерти растения или животного новые порции радиоуглерода не поступают, а накопившийся запас его распадается. По тому, сколько радиоуглерода сохранилось в остатках органического вещества — кости,

дерево, угле, — и судят об их возрасте.

Этот метод неожиданно опроверг господствовавшую теорию о заселении Америки. Считалось, что человек проник туда через Чукотку и Берингов пролив примерно 10—11 тысяч лет назад. И вдруг оказалось, что деревья, из которых были сделаны древние индейские постройки, срублены по меньшей мере 20 тысяч лет назад.

Печать магнитного поля

На всем живом природа ставит печать времени — в помощью радиоактивного углерода, годичных слоев, видимых на срубках деревьев, да мало ли еще что.

Но, оказывается, подобное клеймо («сделано в век такой-то») несет на себе любой кирпич, изразец, глиняный черепок посуды так же, как листы бумаги имеют водный знак — клеймо фабрики.

Земля — огромный магнит. Но магнит это удивительно напряжен, несмотря на всю его космическую солидность. Каждый период времени для любой точки Земли имеет определенную величину магнитного поля. В глине же обязательно находится примесь железа и его соединений, сохраняющие остаточную намагниченность, которая и определяется величиной и направлением магнитного поля Земли в данный период.

Этот метод сулит необыкновенные перспективы. Самое интересное, что совершенно независимо от раскопок во времени ошиблив при определении возраста обра-

да не превышают 10—12 лет. А обогнать главу человек начал еще на заре своей истории.

Пыльца и время

Как определяют ландшафт местности, где жили наши предки? Был ли здесь лес? Какой? Лиственный? Хвойный?

Под микроскопом изучают пыльцу растений из почвы на месте раскопок, подсчитывают соотношение частиц пыльцы различных видов.

Деревья давно стали перегноем, но оставили о себе память — кро-

шечные частички пыльцы (они очень устойчивы — основу, например, не в силах разрушить даже концентрированная серная кислота).

Свидетели заговорили...

При раскопках был найден меч. Как узнать, где выковал его кузнец? Долго считалось, что лучшее оружие на Русь ввозилось из других стран.

Другое показал спектральный и структурный анализ металла. Было установлено, что и на Руси изготавливали первоклассное оружие. Для каждого месторождения характерны свои естественные примеси, и железе Северо-Восточной Руси, например, все-

гда есть соединения молибдена и никеля, в южнорусском — хрома и титана. Значит, всегда можно выяснить, откуда встал металл. А по содержанию в нем углерода, цинка и структуре можно установить способ выплавки.

Таких методов более сорока. Их уже имеют на своем вооружении ученые Института археологии АН СССР. А время открывает все новые и новые. Уже сделаны первые попытки привлечь на службу истории кибернетику. Так история обретает точность.

Р. КОЛОДНИКОВ

Маяя БОРИСОВА

О Т Д Ы Х

Тебе постель я поставлю,
Я хлев твою постолою.
Умойся! Я тебе солью,
В кошине струю солью.
Зарой лицо (как ты устал!)
В прохаду полатой.
Вода чиста. Вода — хрусталь,
Чиста и холода.
А в небе звезды — просто горсть
Полосатой луны.
И кони дремлют у стогов

Без седеа и узды.
Усталост на ночь скинув с плеч,
Успешь счастьем ты.
Но поутру смутя, Как плеть,
Хлестнет струя воды.
Прочтится солнце по двору,
Всплывет большак,
И зашуряют трактора
Стальные башмаки.
Я полотеце мокрое
Повешу на ветлу.
А кони вынут мордами
И пашут на ветру.

* * *

Запоминайте красоту движений —
Обыденных, несложных,
Они уже почти несовременны,
Они уже почти анархичны,
Но так прекрасны!
Как бабы управляют с башней!
Движенья рук и женственно и смело.
А эти напряженные застытия
И пальцы, что охватывают крепко
Тяжелый и упругий мокрый жгут...
Запоминайте красоту движений,
Старинных, исчезающих движений:
Усталых жниц короткие наклоны,
И косарей споровистую посту,
И аровосека халяющий взмах.
Движенья эти — отголосок детства,
Большого человеческого детства,
Когда дремали в будущих столетиях
И гуа моторов, и полает трансмиссий,

И пультов электрическая мудрость,
А человек и трау для вечной битвы
Лицом к лицу встречался на земле.
Труд, принося отчаянье и радость,
Калечил слабых, пестовал могучих,
И мускулам он диктовал движенье,
И позы, точно скульптор, высекал.
Запечатлейте красоту движений,
Простых, велегих, трудовых движений —
Они достойны кисти и реза.
Мигуют годы, и века мигуют,
И мальчишки с глазами мудрецов,
Одетые в нейлоновые тоги,
Придадут в музей древнего искусства
И полагает с почтеньем и восторгом
На тех — чутунных, мраморных,
стальных;
На тех, что трау умел петь, как песню,
И завещали красоту и крепость
Их чистым, тренированным телам.

Александр МИХЕЕВ

Заводской трубе

Ночь будто вымерала до двя —
Не звякнет реально на разьезде.
Заснула завод, Одна труба
Все водит пальцем по созвездьям.
Она стара, как помнит свет,
И, хоть всю жизнь кого-то грезь,
Самы от долгой стужей лет:
Уже совсем окаменела.
Но с беспокойством по ночам
Она про те гадает годы,

Когда на смену кирпичам
Придут стекляные заводы.
Свое бессилье подписав,
Она уйдет тогда в отставку,
Чтоб просто дальним небесам
Торчать ненужно подставкой.
И будет думать про дела,
О том, что было, что упало,
О том, что, моа, не зря жила
И даром небо не коптала.

У каждого из нас знакомых, пожалуй, больше, чем мы думаем, и место свидетелю этих знаковых — самые обыкновенные вещи в нашем доме. Например, прибор, сделанный на радиозаводе в Днепропетровске... Пусть вы не знаете имени девушки, руки которой создавали сердце этого аппарата. Но с помощью этой девушки вы узнаете все последние новости, и ваш дом наполняется звуками музыки.

Зовут ее Вали Селиванова. Работает она намотчицей на радиозаводе, руководит бригадой коммунистического труда, которая носит имя космонавта Германа Титова.

Как будто ничего особенного. Но подождите, особенное есть. Космонавт-2 Герман Степанович Титов является членом дружного молодежного коллектива, которым руководит Вали Селиванова.

Вот как это случилось.

Однажды на комсомольском собрании Вали, обобщаясь с девушками своей бригады, сказала:

— Мы работаем без ОТК систематически занимаем первое место в социалистическом соревновании... Здесь Вали сделала паузу и оглядела своих подруг сурьезными, но не без лукавства глазами.

— Давайте примем в свою бригаду Германа Титова! Это довольно неожиданное предложение многих озадачило. Как же так? Не будет же Герман Титов работать на радиозаводе, в бригаде Вали Селивановой?

— А очень просто, — пояснила Вали, — мы поработаем за него. Он будет состоять членом нашей бригады, и каждый из нас увеличит выработку настолько, чтобы все вместе мы выполнили норму еще за одного — семидеятого члена нашей бригады, Германа Титова.

Девчата с радостью согласились.

На другой день в цехе, где работает бригада Вали Селивановой, появился портрет Космонавта-2.

И пусть тихий звук маленьких станочков для намотки катушек мало похож на могучий голос корабля «Восток-2», но здесь, в цехе, тоже идет мирная созидательная работа. Участвует в ней и Герман Титов.

Одна за другой тиснутся по бескомочной ленте конвейера монельки, нахуцуде каннофолье детали, а где-то на другом конце ленты сходит очереда радиокорпусов «Диепр-58» — они, другой, сотый, тысячный... В этой бригаде работает Герман Титов.

А недавно они встретились. Это

Недавно в жизни Валентины произошло знаменитое событие: она стала кандидатом в члены партии.

Фотоочерк В. САККА.

“БРИГАДА КОСМОНАВТА”

Они встретились на комсомольском съезде. Рассказала Герману Титову о работе бригады, Вали Селиванова передала космонавту подарок — мини-стертый радиокорпус, сделанный на заводе молодыми рабочими.

было на XIV съезде комсомола. Герман Титов долго разговаривал с Валей Селдяновой, «бригадиром Космонавта-8», как в шутку называют ее товарищи. Кстати, Валя привезла в подарок космонавту миниатюрный радиоприемник, сделанный на заводе молодых радиолами.

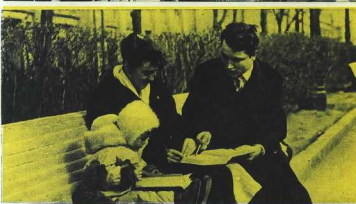
— Раньше, когда нас в бригаде было только шестнадцать, каждая из нас могла по пятосот монтажных катушек, но теперь ведь нас семнадцать, и на долю каждого члена бригады приходится по шестисот. Простая арифметика. Конечно, производительность труда увеличивается у нас не с космической скоростью, но все же мы выжили на себя обязательство увеличить производительность в этом году на 10 процентов, а к 1965-му — на 50 процентов.

Вот, пожалуй, и весь рассказ об одной простой девушке — Вале Селдяновой, о том как она работает, учится, о людях, которые ее окружают, рассказано на этих страницах. Конечно, о Вале Селдяновой можно было бы рассказывать и дальше, как, впрочем, и о многих наших молодых современниках, каждый из которых честно выполняет свой долг перед людьми. Многие из них нам знакомы, если не лично, то по тем прекрасным делам, которые совершают они изо дня в день...

Сегодня эти школьницы — гости Бригады. А завтра... Завтра они, возможно, сами станут и конвейеру.

Сноро изнамены...

Бригадой дружных называют этих девушек.

ЧТО НАДО? УМ, ЧЕСТНОСТЬ, МОЛОДОСТЬ!

Для использования, совершенствования и приумножения ценностей, которые создает наш народ, необходимы высококвалифицированные кадры и притом во все прогрессирующем количестве. Особенно остро эта потребность ощущается в науке. Вот почему исключительно важен вопрос о подготовке молодой научной смены. Ид ли дело формирования молодежи в высококвалифицированные специалисты, его необходимо постоянно совершенствовать. И в разное время журналы «Смена», «Каковы основные критерии оценки человека, решающего пойти по тернистой, но благородной научной дороге? Это прежде всего ум, любовь и избранная специальность, затем безупречная честность и наконец, молодость». Не только, если к этому присоединится еще истинная

скромность и оптимистическая настроенность. Однако это лишь одна сторона дела. Нельзя забывать, что в формировании молодого ученого, в его творческой судьбе играют роль не только его индивидуальность, но и начальные особенности индивидуальности. Под непосредственным влиянием учителя претерпевает весь процесс постепенного превращения зрелого в научном отношении юнца в квалифицированного специалиста.

И хочу лишний раз напомнить, что университет должен не только «учить» своего студента, но стараться воспитать в нем пытливого и высокую работоспособность, и это надо делать, начиная со студенческой скамьи. Вот почему столь большое значение приобретает научная студенческая общность, кружки, конструкторские бюро, призывные

способствовать формированию самостоятельно мыслящих специалистов, а не ремесленников.

И мне кажется, что было бы правильно поставить этот вопрос: если студент не в состоянии в той или иной мере заниматься научной работой (по уровню своих способностей, ибо в данном случае важны не столько знания, сколько способности), он должен уступить место талантливым молодым людям, которые по своим интеллектуальным качествам этого больше заслуживают. В противном случае, протолкнув в науку, а равно и на производство по недоразумению, малодушием, человек может оказаться в жалком положении бесплодной сволочности.

И. И. СКРЯБИН,
академик

Человек
с дипломом

Существует общее мнение, что выпускник института может стать настоящим инженером только через пять, а иногда даже через десять лет после получения диплома.

Безусловно, срок этот необходимо сократить. В первую очередь путем вовлечения студентов в работу научных обществ при вузах.

В статье «Творец или ремесленник?» ставится вопрос: если пятьдесят процентов студентов занимаются научной работой, много это или мало? Если эти пятьдесят процентов, мы назвали бы «бюджетом, малым». Но и эта цифра не реальна для большинства вузов. Практика говорит, что процент выпускников — занимающихся научной и опытно-конструкторской работой, колеблется

между пятнадцатью и двадцатью.

Мне кажется, что одна из прогрессивных форм вовлечения студентов в науку — это дипломы, курсовые проекты и задания, обязательно связанные с новой техникой, с ее внедрением на предприятиях.

Такие работы потребуют много самостоятельных исследований и расчетов, что будет способствовать развитию у студентов творческого отношения к делу. Учебный и научный процесс сольются в единый процесс формирования инженера-творца.

Б. СЕМЕНОВ,
инженер,
член комитета ВЛКСМ
Московского технического училища имени Н. Э. Баумана.

СОПЕРНИКИ
СЪЕДЕРЖИТНА

А. ФРОЛОВ

Руководит В. НЕДОГОИНА.

Иглитное растение уперлось вершиной в своды прозрачного потолка оранжереи. Рядом с ним — растение этого же вида. Оно возросло из таких же семян, оно возросло в то же время. Но оно ядовитое. Читая таблички. На одной написано: «Табак «мямонт». Рост — 2 метра». На другой — «Табак «мямонт». Рост — 4 метра. Обработан гибберелином».

Значит, секрет могучего роста в гибберелине. А что это такое? Вот немного истории. Японские крестьяне годили со страком клевер на посевы риса. Отдельные стебли растений почему-то вытягивались до невероятных разме-

ров, а затем гибли. Волевым риса, начинавшимся в Японии, затем захватившим поля Тайваня и некоторых других районов Дальнего Востока. Она приняла такие угрожающие размеры, что ее выжигали были заинтересованные ученые. После долгих поисков они открыли причину странного заболевания. Им удалось выявить механизм этого явления и химическое строение вещества, вызывающего странную болезнь. Неизвестное до того вещество выработала грибок «гибберелла фузидиоид».

Найдя причину болезни, ученые дали в руки рисоводов и средства борьбы с ней. Однако тут же возник вопрос: а нельзя

ли удивительное свойство гибберелина — увеличивать до колоссальных размеров растительные тела — использовать для повышения урожайности сельскохозяйственных культур?

Первые препараты из выделенной болезнетворного грибка риса получили японский ученый Курасава. Выращивая грибок в среде из минеральных солей и сахара, он обрабатывал полученной жидкостью корни саженцев риса. Сеянцы при этом росли гораздо быстрее.

Позже из выделений грибка удалось получить и химически чистое вещество необычайно высокой активности. Стоило растворить одну часть вещества в миллионе частей воды, а затем этим раствором опрыскать ростки риса, табака или ячменя, и они начинали развиваться значительно интенсивнее растений, не подвергавшихся обработке гибберелином.

Интерес к гибберелину после опытов японских ученых резко возрос. Нине во многих странах налажено его производство. Оно широко на производстве пенициллина и других антибиотиков: грибок разводится в питательной среде, а через несколько дней, в течение которых идет брожение,

из раствора выделяют гибберелин.

Гибберелин изготавливают не только из гриба «бешеного риса» (так японские крестьяне называли растения с необычайно высокими ростками побегов), но также из корней плодов и семян некоторых растений. Из семян фасоли и плодов дикого ореха удалось получить стимуляторы, вызывавшие почти такой же удивительный рост. Вещества растительных организмов, как и при использовании химических чистых гибберелинов. Советские ученые получили высококачественный гибберелиновый препарат из грибка больших виноградных лоз.

Советский гибберелин был впервые получен и изучен на различных растениях сотрудниками кафедры биологии почвы биологического факультета МГУ и Институтом биологии Академии наук СССР под руководством Николая Александровича Крысинькина.

Заглянем на опытный делянку. Вот растения-близнецы — конюшки сорта «южная чубушка». Одно из них выше соседа ровно вдвое. Причина все та же: влияние чуждого препарата. Удвоение плодов, отцвев, арбузы, баклажаны, инжир, персики. Здесь стимуляторы роста использовались для ускорения созревания плодов и повышения урожайности. И вот результаты: плоды созревают на 10—15 дней раньше срока, а урожайность в некоторых случаях повышается втрое. Удивительно и то, что почти все плоды получаются без семян. Кто бы откасался попробовать арбуз без одного семечка?

С помощью гибберелиновых растений цветут даже в условиях, при которых раньше они не давали цветов. В этом случае стимуляторы становятся как бы «за-

М.Е. ГОБЕДИН

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО СУЩЕСТВУ

Основная плочением статьи «Теория или ремесленник?» («Смена» № 7), поднимавшей вопрос о научной исследовательской и опытно-конструкторской работе в воздухе, на наш взгляд, бесспорны.

Научно-исследовательская и опытно-конструкторская работа студентов должна рассматриваться с позиций воспитания не только творческих качеств, но и творческого ученого. Где, как и в каких кружках и инновационных конструкторских бюро, должны воспитываться кадры?

Больше всего нас, конечно, беспокоила та часть статьи, которая непосредственно касалась инновационных конструкторских работ.

Еще в довоенные годы в нашем Харьковском авиационном институте была построена самолет «ХАИ-1», который с успехом летал на пассажирских линиях. Сей-

час мы проектируем двадцать по счету самолет с назой «ХАИ». Но вот парадокс, когда на испытании с другой нашей советской деятельностью становится «построенный» самолет с каждым годом становится для студентов все труднее и труднее. Дело не в усложнении конструкции. Мы даже не говорим здесь о производственной базе, хоть и стоило бы ведь в нашем институте выделение для экспериментальной работы студентов — 12 лет.

Дело заключается в том, что студентам по существу разрешают создавать самолеты лишь на бумаге. Как только встает вопрос об осуществлении проекта, им говорят: «Стоит». И это, конечно, во многом сглаживает инициативу, обучает у студентов охоту к безразию, и поиску, и творчеству.

Как происходит это, потому, что нет единых требований, которые надо предъявлять и

проценту легкомоторного или спортивного самолета, чтобы определить реальность и целесообразность новой конструкции.

Как бы выйти из создавшегося явно немаломасштабного положения? Мы предлагаем созвать комиссию, где представители Государственного комитета Совета Министров СССР по авиационной технике, Министерства высшего и среднего образования СССР, ЦК ВПК, ДОСААФ, студенческих конструкторских бюро разработали бы единые требования, определяющие объем студенческих исследований и расчетов, которые необходимо сделать прежде, чем ставить вопрос о постройке самолета. Без этих единых требований не может быть нормального решения вопроса о жизнеспособности инновационных конструкторских бюро авиационных институтов. В дальней-

шем на основе выполнения этих требований должен решаться вопрос о целесообразности осуществления той или иной работы.

Находящийся уже сложным вопрос это может проявиться на испытании полетов, построенных студентами. — на самом деле очень прост. Ясно, что испытания должны вести профессионалы, назначенные институтами. Мы не сомневаемся, что они добьются наилучших результатов. И вот конкретный пример: в Харьковском институте «Смены» летчик-испытатель Владимир Антонович Калинин сам согласен испытывать машину.

Студенческие научные и опытно-конструкторские работы должны служить практике. Неполучай край работы в области технических видов спорта.

Нам очень больно, что на двадцать летних мировых рекордов, установленных на спортивных самолетах, только три принадлежит нашей стране. Было бы немалой возможностью результаты, показанные советскими летчиками в авиационном, автомобильном и парашютном, автомобильном и парашютном, и парашютном вида спорта. Здесь все дело в отсутствии создания образцов спортивных самолетов, гоночных автомобилей, самолетов, по сути дела, никто не занимается.

Нам предложение поддержать комсомольцы Харьковского политехни-

ческого, Харьковского авиационного, Киевского авиационного, Ленинградского кораблестроительного, Ленинградского политехнического, Ленинградского технологического, Московского и Казанского авиационного институтов, а также студентов Киевского и Харьковского гражданского воздушного флота, Ленинградского института авиационного приборостроения, Ленинградского института точной механики и оптики. И нашему мнению принадлежат области: Генеральный конструктор по авиационной технике О. И. Антонов, начальник Харьковского обкома комсомольца Г. Горюхи, председатель Харьковского обкома ДОСААФ И. Рещетников. Нам бы считаем, что наш авиационный комсомол совместно с работниками ДОСААФ должны взять дело создания новых образцов спортивных самолетов, планеров, автомобилей, катеров в свои руки.

П. ПИХТОВИЧ, проректор Харьковского авиационного института, член ЦК ВПК, член Харьковского областного комитета комсомольцев, член Харьковского областного комитета комсомольцев, секретарь комитета комсомольца ХАИ И. ШЕЛОВ, аспирант Харьковского политехнического университета, студент

менителями» солнечного света. Известно, что растения умеренных и северных широт перемещаются в почву тогда, где день короче, теряют способность цвести и плодосоздать из-за недостатка света. Но вот опырыли их раствором гиббереллина, и они стали еще বেশи так, словно север вместе с ними переместился на юг.

длительного воздействия холмодром, — приобретает способность цвести и плодосоздать. Это значит, чтобы получить, скажем, семена моркови, нужно вырастить растение два года. Гиббереллин сократил этот срок наполовину.

В Крыму, Средней Азии и Балканском побережье действовали гиббереллином на виноград.

морозок. Стоит обработать растение стимулятором — растение сразу начинает плодоносить. Даже из простого перечисления чудесных свойств гиббереллина ясно, какое значение имеет его применение сельским хозяйствам. Тогда почему же так медленно растет производящий гиббереллин? Он очень дорог.

растения американскими растениями одоления капуста имеет стелбь высотой в пять метров). Актинаторы, созданные Институтом микробиологии, способствуют эффективному росту всех органов растения.

Они содержат гиббереллина, обозначенные по буквам «Д», «Р» и «Г», сейчас получают пукву в Японии — «сдают окаменел».

История долгих поисков говорит, что еще много интересных открытий будет сделано при изучении действия гиббереллина на растения. И поэтому эти открытия молодые ученые. Они же проложат все усилия к тому, чтобы применение новых (и в старом, давно открытым) веществ — гиббереллина вышло из узких рамок опыта и стало широко распространяемым методом сельскохозяйственной практики.

Кстати, о юге. Длинное лето южных областей Украины позволяет получать два урожая картофеля в год. Однако свежозеленные клубни первого сбора не «хотят» давать новых всходов. Сотрудники Украинского научно-исследовательского института физиологии растений пробовали обработать эти клубни гиббереллином — и новый урожай был получен.

Такие растения, как сахарная свекла, капуста, морковь, в обычных условиях образуют на первом году жизни коренья, а с наступлением лета и лишь на будущий год, после яровизации —

Ягоды стали крупнее, а урожай вырос вдвое.

Прекрасны многолетние лины, высаживаемые в Москве на улице Горького, на проспекте Маркса, на площади имени Дзержинского. А ведь и они обработаны стимулятором роста. Правда, в гибридном, а другим волшебником земного мира — ретороуаксином. Он способствует образованию мощной корневой системы и более быстрому росту лины.

В практике винограда необходимо не активизировать, а, наоборот, задержать рост растений. Но хотя бы в том случае, когда старые деревья цветут во время за-

Это замечательное научное открытие сделано в лабораториях органических удобрений Института почвоведения и агрохимии Академии наук Азербайджанской ССР. Новые стимулирующие вещества не поступают в растение, а в почву. Их можно вносить в виде раствора или порошка. Они действуют на корни растений, стимулируют их рост и развитие. Эти вещества, полученные Институтом микробиологии Академии наук СССР, вносясь в почву, повышают урожайность и устойчивость растений к болезням и вредителям. Они действуют на корни растений, стимулируют их рост и развитие. Эти вещества, полученные Институтом микробиологии Академии наук СССР, вносясь в почву, повышают урожайность и устойчивость растений к болезням и вредителям. Они действуют на корни растений, стимулируют их рост и развитие. Эти вещества, полученные Институтом микробиологии Академии наук СССР, вносясь в почву, повышают урожайность и устойчивость растений к болезням и вредителям.

Комментарии с ударением!..

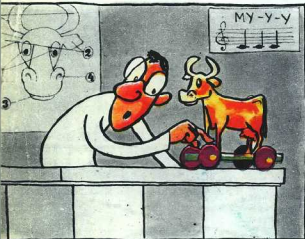
Энтузиазм и энергия молодежи, гордость рабочих людей зримыми плодами своего труда, скромность героев, творящих легенды, беззаветная преданность Родине и великому идеалу Коммунистической партии, непоколебимая уверенность в мирном Затре — вот что определяло характер XIV съезда ВЛКСМ — съезда молодых строителей коммунизма.

Не случайным гостем, а самым активным участником было на съезде острое критическое слово. Оно звучало и в содержательном, отчетном докладе Центрального Комитета ВЛКСМ и в ярких выступлениях делегатов. Оно было по недостаткам в нашей работе, бывало молодых бюрократов, бездельников, зазнавшихся и равнодушных. Оно тут же находило отражение в выпусках сатирических рисунков «Комментарии с ударением!» Мы публикуем часть выпущенных в дни съезда рисунков, основанных на фактах из докладов и выступлений делегатов.

Комсомольскую путевку по праву называют путевкой в большую жизнь.

Работящий, славный парень
В жизнь хозяйном пришел.
— Как зовут тебя, товарищ?
— Всем известно: товарищ!
комсомол!

Рисунок И. Семенова,
стихи В. Котова.

«Ему в такси — бесплатно,
Вхожу в ресторан — бесплатно:
Любую еду — понамушта.
Официант — автомат!»

Так представляет себе коммунизм поэт С. Сорин.

Рисунок В. Стацкинского.

Львовский сельскохозяйственный институт находится в селе, но студенты здесь учат по муляжам и диаграммам. В институте собрано целое стадо глиняных коров — 125 «голов».

— Корова выглядит примерно так, только без колесиков.

Рисунок А. Семенова.

Кони обком ВЛКСМ в течение года объявил 16 различных эстафет, походов, мессажиков и декад, пригласив 13 всевозможных соревнований с десятками участников.

Распланировав умно Жизнь любого коллентива, Позавыл обном одно: Слово «инициатива».

Рисунок В. Каневского, стихи О. Дмитриева.

«Стройка наша большая и мы понимаем ее значение. Но так работать, как работаем мы, нельзя. Основное наши «механизмы» — это кирка и лопата».

(Из письма молодых строителей железной дороги Ачинск — Абаканово.)

— Лопата вовсе не плаха, Да и кирка прелестьна... Но эта техника — ха-ха! — Была и мне известна!

Рисунок В. Чиникова, стихи В. Котова.

В Станиславском обком комсомола (секретарь обкома тов. Мельник) на одном заседании бюро 13 комсомольских работников получили высочайшего Секретаря Городиенского района тов. Нигифорчук получил сразу 4 выписки.

Товарищам станиславцам:

Уясните вывод этот: Засекуци — не метод!

Рисунок А. Цветкова, стихи В. Котова.

В буфете Захаровской восьмилетней школы Кабардино-Балкарской АССР воево торгуют табачными изделиями и пивом.

— Сколько мы должны за пару пива? — А я дальше десяти еще не умею считать.

Рисунок В. Чиникова.

В Донецком обкоме комсомола изобрели новинку — «комсомольский совархоз». Утвердили аппарат. Для лучшей важности постановили: «Решения и рекомендации комсомольского совархоза... принимать к исполнению руководству!»
Ох, силён бюрократический и финансовый гипноз! Считает все весьма критический На подобный «совархоз»!

Рисунок Л. Самойлова, стихи В. Котова.

ЖИЗНЬ

Как ты относишься к фестивалю? За или против?

Сегодня этот вопрос задают себе юности и девушки нашей планеты. С кем ты? С будущим или прошлым? Дружба или ненависть несут в сердце? Создать или уничтожить пришла ты в этот мир? Фестиваль может казаться обидным, а эти вопросы — быть. Хватит ли просто пригласить посетить праздник юности — это мандал бора до право молодежи иметь светлое будущее. Для истинно молодых не может быть сомнений. Только за!

У фестивалей миллионы друзей. И число их растет с каждым днем. Это яркое, запоминающееся и непреклонное молодые люди, верные в будущее и готовые защищать его от любых посягательств.

У фестивалей есть и враги, оголтелая свора выкорчеванной фашизма, те, кого убоость отравить ядом воинского полководца, членовладельческой пропаганды, ослепив законные интересы молодежи. Но есть среди западной молодежи и такие, кого не причисляют ни к прощальным, ни к врагам фестивалей. Они в стороне, они ни при чем, их не до фестивалей, но до его вопросов, не до идей, которые волнуют человечество. Они равнодушны.

Нет, они не хотят войны. Но бороться за мир — это не наше дело, в политике мы не овладеваем.

Нет, они не сторонники фашистов. Но преобразить им путь — это тоже не наше дело.

Нет, они против расизма. Но проткнуть их пальцы! Они против протеста. «Пусть другие...» А если на их глазах будет женщина или смеются книги Шекспира? «Не наше дело...»

Они равнодушны. Равнодушные, безразличные, немалодне — откуда они? Вопросительный взгляд на этот вопрос Юрия Кошкеева, члена делегации советской молодежи, посетившей недавно Союзные Штаты Америки.

МОЛОДОСТЬ — НА АЛТАРЬ НАЖИВЫ

же в Москве, вскоре после возвращения из поездки по Соединенным Штатам, я взял в руки один из номеров американского журнала «Лук». Первоначально строила обратил внимания на фотографию юности, вернее, даже мальчика, с аккуратной прической и такой же парикюрской, как бы отполированной улыбкой. Лицо показалось мне знакомым. Мы встречались ли мы так, как оговорено? А может быть, я видел его на фестивале в Москве или Вене? Нет, фамилия этого парня, как и пяти других его сверстников, чьи фотографии стояли по соседству, была мне неизвестна. Да и не был я в том американском городке, откуда они родом. И все же ощущение чего-то очень знакомого не проходило. Я прочитал текст под снимками. И тогда все стало понятным.

Я действительно не встречал этого парня. Но так же, как он, походил на него, как две капли воды, встречал не раз. И не на фестивале, а в любом из тех американских городков, которые доводилось посетить. Даже странно, как я мог подумать, что видел его на фестивале. Выражение глаз — вот что показало мне знакомым. А людей с такими глазами на фестивале не встречал. В них можно отчетливо прочесть лишь одну мысль: «Я очень хочу иметь миллион долларов».

Шести юношами, которых заснял фотограф «Лук», по семнадцати лет. Чем же они выдвинулись из остальных своих сверстников? Может быть, они лучше других сделали удачные ставки на конном скачках или победили на конкурсе молодых вокалистов? Нет, эти шестеро, по словам «Лука», — «книжки до старости». А первая из них уже добилась успеха в 17 лет. О каком же успехе идет речь? Тут не

надо забывать, что на американском газетном жаргоне выражение «добиться успеха» имеет только один смысл — «сделать деньги». Действительно, эти шестеро школьники — научные — «идеальны деньги». После уроков они ходили по домам, рекламируя различные периодические издания, и получали комиссионные за каждую подписку. «О, мы уже настоящие бизнесмены! Посмотрите, как ловко мы умеем всучить свой товар!» — гордятся маленькими торговцами. А журнал пишет: «Вот пример истинно американского духа».

Когда знакомился с такими «идеальными» молодыми американцами, то первое впечатление даже благоприятно. Они общительны, непосредственны, ловко поддерживают разговор. Но вот проходил пять — десять минут беседы — и вдруг начинаешь чувствовать, что все эта непринужденность лишь результат тренировки в умении впродолжение себя, лишь необходимость в торговском мире сделать обходительного приказчика. А вскоре становится совершенно ясно, что твоим собеседником скучно, безумно скучно говорить о чем-либо, кроме денег и способов их добывания. Все чаще вырываются в их разговор открытые вопросы: «How much?» «Сколько?» Эти вопросы бизнесмена, но бизнесмена семнадцатилетнего. В них сквозит чистое детство, открытое любопытство. «Сколько?» Матерый бизнесмен там не спросит. Он научился скрывать свое утро.

Шесть фотографий в журнале «Лук» — это шесть ретроспективных снимков. Клишеистая картина недавнего ясна. В семнадцать лет эти американские парни уже неземно порывались завой ступеньки успеха. А первая из них уже проникла в их души еще раньше. «...Охлажда-сим. Мы в гостях у

Богатого адвоката мистера Хада. В воскресенье вся семья отправляется в церковь. Посещение церкви в Америка — признак благонадежности. Так приглашают с собой. После молений начинается сбор пожертвований в церковную кассу. Настает черед мистера Хада. Он достает чековую книжку и выписывает чек на 1 200 долларов. Его семилетний сын Дэвид восторженно шепчет языком и гордо поглядывает на меня. Знай, мол, нашши!

В семь лет Дэвид Хэд хорошо знает, что такое доллар, и что такое 1 200 долларов. Еще лучше он знает, как сканится на его собственной жизни тот факт, что отец не задумываясь, может пожертвовать такую сумму. Уже сейчас он ходит в особую частную школу для детей «хороших семей». За это папа Хэд платит 400 долларов. А школа, которую посещает семилетний Дэвид, Мерси, «стоит» 700 долларов.

В семь лет Дэвид Хэд привыкает думать, что слова «лучше» и «богаче» — это синонимы. А вот другой мальчуган, старшие Дэвид и его отец, у него не адвокат, а фермер. Живет он не в Оклахоме, а в штате Висконсин. Поэтому во воскресенье Кэри ходит не в церковь, а в коровник. Он поклевывает отцу. Впрочем, помогают не то слово. Кэри служит у отца. Отец регулярно выплачивает ему жалованье. Пойода коров — столько-то цветов, покормил овец — столько-то. На заработанные у отца деньги Кэри купил корову какой-то особой породы. Он надеется получить за нее денежную премию на сельскохозяйственной выставке. Если премия «выгорит», вложит деньги в какой-нибудь новый «бизнес».

Что плохого, скажете вы, если мальчишка с ринных лет привыкает к сельскохозяйственному тру-

ду, который будет его кормить всю жизнь? Конечно, в этом нет ничего плохого. Но, к сожалению, Кэри твердо знает: если речь идет о зарботе, о долларах, никакие чувства, даже родственные, неуместны.

У молодых американцев рано отступают чувства перед его величеством долларом. Один мой знакомый американец с восторгом рассказывал о таком семейном эпизоде. Как-то ему пришлось тут и си он урезал сумку, которую выдавал детям на мороженое. Тогда дети устроили забастовку, перестали учить уроки. Растроганный отец заплакал и бормотал: «Вот это настоящие американцы», — рассказывал он мне. — Такие не пропадут!»

Да, в мире чистого она, наверное, не пропадут. Но, искаленные в раннем детстве, они навсегда останутся духовными уродами, равнодушными ко всему, что лежит вне сферы доллара.

У шести юных американцев, которых мы встретили на страничке журнала «Лук», лица привлекательные, как некоторым покажутся, располагающие к себе. Но если один из них упадет за бортом, противники и немую руку помощи! Очень страшно оказаться за бортом в сегодняшней Америке. В мире, где царствует доллар, рядом с ним на троне восседает страх. Страх оказаться за бортом, без работы, без денег. Этот страх особенно знаком молодому поколению. В те дни, когда концы планеты собираются на свой праздник в Хельсинки, 1 300 тысяч молодых американцев будут безупречно искать работу, искать заработок. По официальным данным министерства труда, за шестидесять годов 26 миллионов молодых американцев пройдут сквозь ад безработицы. 26 миллионов человек соберется за бортом «справедливого» американского корабля. Кто протянет им руку помощи? И готовы ли они сами бороться за свою жизнь? Во всяком случае, далеко не все. Многие из них, такие, как Дэвид и Кэри, с детства привыченны рассматривать факты жизни сквозь призму денежного успеха, увидят в своей судьбе лишь заслуженную кару за неумение «ловить счастья». «Не повезло», — скажут они. Глас их послужит, если невинный рассказчик о Бобабе, которую молодежь мира ведет за свои права. Они равнодушны ко всему, кроме денег. Деньги нет! Ну что же! Может быть, зряра повезет. Борьтесь! Нет, пусть другие...! И нужно приложить много сил, чтобы вернуть этим парням свободу. Чтобы вернуть им себя, а жизнь, в молодость, желание и умение бороться.

Ю. КАШЛЕВ

ШКОЛА... АТК... ШКОЛА...

А вступо подвас нас к эдниню средней школы «Лангворт» в первом секондри модерни скулу. Входим в актовый зал и останиваемся, удивленные: все затнуто кубизм паперисного дини. Мурт подростки 15—16 лет. Один толпается у бубета, посасывая кока-колу, другие, биеста напомаженными головами, играт у пинг-понг, сдире кружком сидят девушки в широких светлых юбках, густо накрашенные. Обеденные широкой подосой туши, глаза странно блещут.

Двое парней с готовностью объясняют, что тут не только школьники. Некоторые окончившие школу уже с полгода работают, но приходят сюда вечером продолжать образование в особых классах, чтобы поступить в какой-либо колледж. Другим хочется просто потанцевать, отдохнуть.

— Какой же отдых в таком дыму? — удивляется мы. — Как это учителя разрешают нам курить?

— Но что могут сделать учителя, если курить призывают тысячи реклам, если «правила хорошего тона» разрешают дымить везде: и в кино, и в театрах, и в автобусах, где с сигарет кресла специально приделаны пепельницами!

— У нас мальчики курят с десяти, а девочки с двенадцати лет. — Ответы наших собеседников звучат поразительно безмятежно. И вдруг они тонут в диком реве отключенной прорвавшейся музыки. А ей, должно быть, только и ждали собравшиеся в центре зала пары. Будто ожив, они схватились за руки и замелькали, задергались на стороны в сторону, слышавшие в одном многоголосом, многоголосом существо, быющемся в каком-то страшном припадке.

— Этого танца называется «Ярмом», — окотю пояснил нам один из парней. Не лицах танцующих — какой-то беешней живописной восторг и ни проблеска мысли в глазах! Одна девочка с распущенными волосами, в платье с большим вырезом отплевывает босиком, громко и самозабвенно ударяя по черным плитам пола толстыми пятками.

С чувством острого облегчения отрываемся мы на голос переводчицы, зовущего в другую комнату, — на «беседу» молодежи.

Правда, какая уж там беседа, если зовлева не принесла себе даже достаточного количества стульев! Бесформанные трудяги они громоздятся на столах, встречая воплями каждое слово директора.

Наконец директору удается всех утихомирить, и тогда начинается задавать вопросы. Ох, уж эти вопросы! До чего же они одинаковы при каждой встрече! И сейчас, конечно, одно и то же. Каким лет

у вас выходит замуж? Как вы танцуете? Знаете ли короля рок-н-ролла Элвиса Пресли?

Правда, на этот раз нам пришлось услышать и кое-что весьма оригинальное. Толстошеикий, коротко остриженный мальчишка уже в который раз задает один и тот же вопрос. А мы не можем его понять. Говорит он очень быстро да еще добавок жует резинку. Он даже высюывает язык и по-какую тягучую массу. Но о чем же он спрашивает?

— Ну-ка напиши свой вопрос, — просит мы мальчишку, протягивая ему блокнот. Потом с удивлением читаем: «Делают ли в России велосипеды?»

А через секунду на нас обрушивается другой вопрос:

— Есть ли в России цветные ресы и не дерутся ли они между собой?

И вдруг до нас «докладот»: да ведь они ничтошеньки не знают о нас! Им даже неизвестно, что есть Советский Союз, а не просто Россия! Они не могут назвать никого из наших писателей.

— Русский писатель? — вспоминает один. — Ал Это Чайковский.

— И Карл Маркс! — добавляет другой.

Мы все не знаем, что через два дня услышим подобные ответы уже не в средней школе, а у стен диверго Оксфорда. Услышим не от школьников, а от выпускника Оксфордского университета Робина Джеймса. Через год он окончит такие специальные курсы в Ливерпуле, готовящие «профессиональных молодежных руководителей». Для него имена Пушкина и Горького, Драйзера и Войнич — пустой звук. Ведь, чтобы стать таким «руководителем», нужно быть сведущим главным образом в богословии и джунджитусу.

Школа... Не она ли, казалось бы, в первую очередь должна бороться с «религиозными предрассудками, идеями и нравственной опустошенностью? Ведь она призвана не только образовывать, но и воспитывать вступающего в жизнь человека. Но на Западе школа не только не способна исцелить духовный кризис, она окончательно губит все то светлое и чистое, что подымается в душе молодого человека. Школа в капиталистическом мире все больше превращается в инструмент обложивания и отупления. Впрочем, судите сами. Предоставляю слово молодой воронжской журналистке Светлане Филадельфия, которая недавно посетила Англию в составе молодежной туристской группы.

ДУМАТЬ— ЭТО НЕ МОДНО

— Как же вы собираетесь воспитывать молодежь, не зная других стран, не имея понятия, скажем, о русской культуре?

Робин Джеймс невозмутим: — Сначала я должен научиться английскому.

— Но ведь мы, русские, знакомы с историей и культурой вашей страны!

Робин насмешливо улыбается: — Ну, вы, должно быть, выше среднего уровня.

Отглядывая по сторонам. Волкут нас — молодые здоровые существа, с расстрепанными волосами, пыстыми глазами. А вон тот парень в синем костюме, кажется, пьян. Он то вынимает из кофен фенки, то засюывает ее снова.

Нет, конечно, не все такте. Рядом с нами стоит тоненький черноволосый мальчик. Он не задает вопросов об Элвисе Пресли и велосипедах. Улучив минуту, он тихонько тянет меня за рукав и спрашивает: сколько лет мы учимся в школе, когда идем работать, все ли поступаем в институты? А потом на прощание пишет у нас блокнотик и пишет свое имя: Майкл Англвар.

А в уши летит самоуверенный голос какого-то юнца:

— Вы говорите — думать! А зачем мне думать! Пусть директор школы думает.

Юнец скажет страшную правду: многие из них не думают, но хотят думать! Думать не популярно! От этого занятия отучает и

программа так называемой «современной» школы («модерн скулу»), откуда исключены литература и история. А что после уроков? Публичная лекция на тему «Могут ли мертвые разговаривать с нами!». Пестренская серия комиксов под названием «Орел» для подростков 17 лет (!), которая в картинках рассказывает о том, как белые покорят индейцев или как сишки ловят преступников? Бить может, газеты с огромными англами: «Отче, убил ребенка!» И, уж если верить рекламе, раздумывать вообще не стоит: нужно покупать, покупать акции, машины, земельные участки, смотреть детективные фильмы и наслаждаться нипитком «Гиннес!».

Не раз встречали мы на улицах Лондона лирическую пару, намавленную на куске фанеры: девушка положила парню на плечо белокурую голову, обз курят. Проглатывая надпись: «Людам нравятся сигареты «Плейерс». И вот перед нами не фанерный человек, а живая девушка, шестнадцатилетняя Джим Моарес, мастер перводанных картинок, склонив на плечо своему дружку голову с обезбченными волосами, посюсывает усиленно протянутую ей сигаретку, потом ловко, через гролок ртк выпускает дым и, повернув к нам свое бездумное раскрасшанное лицо, спрашивает:

— А с каких лет у вас начинаю пить?

С. ФИЛОШКИНА

Равнодушные, опустошенные... Их не будет на VIII Всемирном фестивале молодежи. Но речь в Хельсинки пойдет и о них. О том, как спасти их от летворного вяжания золотого тельца, как помочь их обрести цель жизни, как заставить их бороться за свои права, за свою судьбу, за свою молодость!

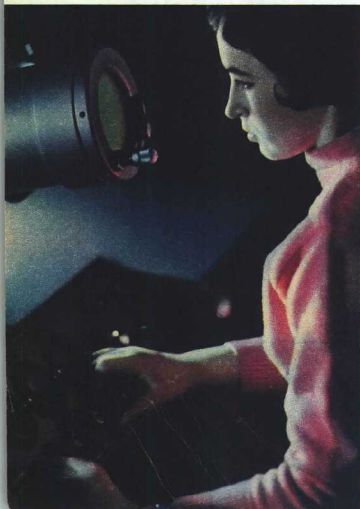
Тихая, внешне ничем не примечательная московская усадьба неподалеку от Ботанического сада Сиromова серое здание. Вывеска у дверей гласит: «Институт экспериментальной и клинической онкологии». Здесь в тиши лабораторий и кабинетов напряженно работают сотни людей над решением одной из важнейших проблем современности — проблемы рака. Большой и дружный коллектив биологов, химиков, медиков отдает все силы борьбе за здоровье человека.

Заглянем в некоторые из многочисленных лабораторий института. Вот авиарий — ванная база экспериментального корпуса. Светлые комнаты заставлены клетками, стеклянными банками. В них, поблескивая черными бусинами глаз, что-то сосредоточенно жуют крупные шустрые мышьяк и рыльца толстокощие хомяки. На них ученые проводят многочисленные эксперименты, чтобы выяснить течение болезни и испытать действие новых лекарств. В авиарий всюду зеленая трава, которая ходит в район зверьков. Для успешного завершения эксперимента за ними организуют специальную диету.

При обработке экспериментальных данных широко применяется новейшая техника. В затемненном кабинете электронной микроскопии виден только зеленый глаз зикрона. Электронный микроскоп позволяет проникнуть в мир бесконечно малого: с его помощью изучаются вирусы и ультраструктура клеток опухолей. В лабораториях института ученые разных специальностей объединяют свои усилия в работе над созданием новых лекарств против рака.

За секунду до укола...

РАЗГАДЫВАЮТ ТАЙНУ

Зоркий глаз электронного микроскопа — верный помощник Ридии Бласовой в изучении вирусологических образований в раковых клетках.

ЭКСПУРСИЯ «СМЕНЬ»

Фото В. АРСЕНЬЕВА.

ФЕЙЕРВЕРК ТАЛАНТОВ

У людей добрая память. Она особенно бережно хранит хорошее, дорогое, нужное. Все кажется, что было это хорошее и дорогое совсем недавно, вчера, от силы в прошлом году.

7 мая этого года закончился Второй международный конкурс. И его мы переживали сурью и радостью. Он захватил своим драматизмом, счастливым напряжением творчества. Да, именно эти слова

хочется произнести сегодня. Но, конечно, второй конкурс не стал повторением первого. Отличия было довольно много.

Несколько в том, что расширилась география и значительно увеличилось число участников. Другим стал общий профессиональный уровень — на сей раз чрезвычайно высокий.

В 1958 году был Клиберн, еще человек, который вывел из массы талантов. Но очень велика оказалась разрыв между ними и массой талантов. События следующего года опусты, ситуация сложилась так, что самым сложившимся участникам третьего тура никто не мог предсказать, как распределится премия и дипломы. Все было очень сер-

Над синтетическим препаратом первыми начинают работать химики. Природные вещества (экстракты растений, культуральные жидкости) вначале испытывают биологи, затем химики выделяют активное начало.

Единствен мир химической лаборатории. Вдому холодный блеск стекла, шеренги колб и флаконов на полках, шум центрифуг и насосов, шипение горелок и сплывающих над рабочими столами люди в белых халатах. Дни трудятся длительно, упрямо и кропотливо. Плоды своих поисков они передают в лаборатории физиологии и биохимии. Делают эксперименты, сотни обработанных животных, долгие часы работы с микроскопом — и вот для испытаний отобраны наиболее активные противораковые вещества.

Так были получены препараты сарколизина и допаи, которые сейчас применяются для лечения некоторых видов опухолей.

В клинике наряду с химиками и фармакологами широкое наступление на раковую опухоль ведут хирурги, рентгенологи и химиотерапевты.

Этим летом ученые института примут участие в VIII Международном противораковом конгрессе, который состоится в Москве. Сейчас ведется энергичная подготовка к конгрессу. Уже зарегистрировано около трех с половиной тысяч участников, из них почти две с половиной тысячи иностранцев. Онкологи всего мира соберутся, чтобы рассказать о своей работе и наметить новые пути борьбы с раком. Несомненно, эта странная болезнь будет побеждена совместными усилиями ученых всего мира.

И. КОНЕВНИКОВА

Анализ

Сложные опыты проводят в лаборатории химии природных соединений аспирант Людмила Куряева и лаборант Наталья Гагаря.

езно, интересно и сложно. Многие было неожиданным, например, выступление в третьем туре английского пианиста Джона Огдена, решившего судьбу первой премии (как стало ясно).

Какими профессору Генрику Гутману небезугодно принадлежат афоризмы: «Теперь все стало хорошо играть на рояле». Можно по-разному его трактовать, и в плане юмористическом и в плане серьезном. Можно услышать в нем высокую потребность видеть, находить, открывать, прояснить, испытать личность. Но вместе с тем — нельзя не заметить, что это высказывание совершенно четкой, основанной на глубоком анализе современного исполнительского искусства констатацией чрезвычайного высокого общего профессионального уровня музыкантов. Второй конкурс имени Чайковского по своим трем разрядам — выключительно, сиринчино и фортепиано — блестяще подтвердил все. Я не хочу сказать, что закончилось творческое соревнование

не открыло новых выдающихся артистов с величественным настоящим и безграничным будущим. Но характерностью нынешнего конкурса видится мне в общем высочайшем художественном мышлении наивысшего талантливых молодых музыкантов.

Имена лауреатов и дипломантов Второго международного конкурса читатели наверняка уже знают из газет, и вряд ли нужно их здесь повторять полным списком. Может быть, интересно поговорить о самых молодых и самых новых. Многие из лауреатов пользовались известностью и до конкурса. Например, скрипачи Борис Гутинюк (первая премия) и Вина Вейнина (третья премия), замечательный десятилетний советский пианист Владимир Ашкенази, ставший обладателем одной из двух первых премий, выключительности Натальи Шаховской (первая премия), Валентины Фейгин (вторая премия), Михаила Хомичер (третья премия) и другие.

Но вот английского пианиста Джона Огдена мы узнали впервые. Узнали и горячо полюбили. В третьем туре он поразиł слушателей Первыми концертами Листа и Чайковского. Ну, или ли удивилась техническому совершенству? То, как осмыслил пианист оба концерта, как услышал их, еще удивительнее.

Мы можем гордиться студенткой томской консерватории Власо Вирсаладзе — талантом необыкновенным и очаровательным. Ступая ее, слышала музыку, начинаешь смотреть на мир большими глазами той, что сидит за роялем, и многое видишь по-новому. Очень понравился в ее исполнении Соната Моцарта, Испанская рапсодия Листа. Первый концерт Чайковского.

На конкурсе пианистов мы узнали также такого серьезного и зрелого пианиста, как Рой Бога (США), очень одаренного восемнадцатилетнего фолонца Яна Бернара Помье и другую чрезвычайно интересную фран-

цузскую пианистку, Кристиан Вийо.

Впервые в этом году участвовали в конкурсе имени Чайковского исполнители. В дни их выступлений Колоний зал Дома Союзов был всегда полон. У исполнителей появились теперь много новых приверженцев. Наши слушатели высоко оценили замечательного музыканта Лесли Париса (США) и молодую советскую виолончелистку девятидцатилетнюю Наталью Гутман. Я надеюсь ее возраст вовсе не для того, чтобы унизиться молодостью. Искусство Натальи Гутман можно воспринимать только всерьез. Оно заставляет мыслить, несет людям высокую эстетическую радость.

Больше месяца продолжался замечательный составление музыкантов из тридцати одной страны мира. Это было прекрасное время, что было то хорошее и дорогое, что память хранит особенно бережно и не отдает истории.

Андрей ЗОЛотов

ВЫПРЯЖЕНИЕ ЛЕКОАТЛЕТОВ

Разминация перед мэтчем легкоатлетов СССР и США

Не знаю, кто и когда первым назвал легкую атлетику «спортивной спорты». Но видно этот привычно употребляется глаголом в отношении к спорту. Владения «спортивной» несомненны. Ведь без ее упреждений не обходится никто, даже клоуны и стрелки. Если к этому добавить, что легкой атлетикой можно заниматься по всюду и в любой год, то легко представить, как обширна география ее распространения... В современном виде легкой атлетики культивируется в нашей стране сема десятилетий. В 1948 году наша легкоатлетка заняла на первое место в Европе. В 1952 году они впервые приняли участие в Олимпийских играх. С отчаянной решимостью боролись советские спортсмены в группе лидеров и стали энергично пробиваться вперед. Их усердие в Хельсинки было вознаграждено шестнадцатилетними первыми и вторыми местами в номинальном зачете вслед за атлетами США. Американцы удержали первенство и через четыре года в Мельбурне. Однако звание «короля» стало склоняться в пользу советских легкоатлетов. В конце 1959 года нами был выигран в Москве первый матч «столетия» со счетом 172:170. Год спустя то же повторилось в Филадельфии (175:167). Наконец, успех был закреплен в Риме во время последней олимпийской баталии (188:162). У американцев оставалось единственное утешение — престиж сильнейшей мужской команды США. Именно по этому легкоатлетической команде США настоятельно на том, чтобы матч атлетов двух стран в 1961 году проводился с раздельной победой для мужчин и женщин. Что и, разумеется, произошло на Московский матч 1961 года закончился в

пользу мужской команды США, однако счет 124:111 является для нас оптимистичным шагом вперед. В матче же женских команд впервые победил наша легкоатлетка (68:39). Очень скоро в Нью-Альто состоится четвертый «раунд» традиционной дуэли двух сильнейших легкоатлетических держав мира. Какими же сейчас потенциальные возможности соперников и как их определить? Капалось бы, проще всего сопоставить национальные рекорды. Ан нет, такой метод не даст правильного ответа. Дело в том, что рекорды — чаще всего разовый, а порой и давний — успех одного чемпиона. Он не всегда отражает современный уровень достижений как самого рекордсмена, так и его соотечественников. Сравнительно же среднеарифметические показатели десяти сильнейших атлетов в каком-либо виде, мы получаем более правдивое представление о действительном соотношении сил соперничающих команд. Особенно наглядным является графический — анализ средних результатов «пятисоток» по годам. Несколько графика, приводимых нами, и послужат иллюстрацией к нашим предостережениям. Самое узкое место в советской пятерке — атлетка — спринт. Наши бегуньи на 100 и 200 метров отстают от американцев примерно лет на семь, а спортсменки, специализировавшиеся в беге на 400 метров, — пожалуй, даже на двадцатьлетие. Неужто у нас нет олимпийских парней? Конечно, есть. Однако, олимпийским победой приходится довольствоваться лишь одной молодой подготовке в юные годы, когда закладываются основы будущего победителя. По той же причине «хронично» отстают и мужчины. Радеют только 24-летний аспирант из Львова Игорь Тер-

Опанасенко, второй прыгун в высоту, мы впервые годителя его рекордом — 8 м 19 см. Однако одна ласточка весны не делает. Остающиеся прыгуны пока лишь мечтают о 8-метровом рубеже, преодоленном уже десятью американцами во главе с Ральфом Востонгом (8 м 29 см). Примерно такая же картина и у бегунов на 800 м. Прошлым летом нас обладатель Басильев Савицкий из Алмы-Аты, покоривший два круга за 1 минуту 47,4 секунды. Но сумеет ли «сооснать» и дальше выступать с прежним успехом? Ведь в 1957 году также блестяще в беге на 1 500 м ступил за Науяса Юанис Пинтас (3 минуты 41,1 секун-

ды). Но с тех пор ни сам рекордсмен, ни другие не могут приблизиться к ваятой «вершинке». И в то же время из года в год улучшается рекорд США: в 1953 году Д. Вардеса достиг 3 минут 40,9 секунды, а в 1961 году Д. Витти — 3 минут 40,2 секунды. Достижения наших шестовников, толкателей ядра и дисковолтов растут бурно. Однако и их завоевание коллегам прогрессировать в не меньшей степени. Поэтому советские шестовники, как и в 1952 году, продолжат отстаывать от американцев на 20 см. Не сравнятся за прошедшее десятилетие разрыв также в толкании ядра...

Что же следует из сказанного? Объективный анализ результатов последних лет свидетельствует о том, что наши атлеты в олимпиадных видах слабее своих заокеанских соперников. Значит ли это, что исход предстоящих выступлений советских спортсменов в США будет проигрыш? Разумеется, нет. И вот почему. Не раз уже случалось, что наши спортсмены, вопреки статистической закономерности, брали верх, несмотря на заведомо проигранные виды. Мы не забыли сенсационной победы Владимира Булатова в 1956 году над чемпионом США Роя Моррисом. Рон постоянно прыгал на 10 см выше и

Фото А. БОЧНИНА.

Какая умябка у ионских вечеров? Тяжелая же, как твоя, когда мы прощаемся у твоей каютки. Ты молишь и чему-то несно убаюкиваешь, черты твоего лица терзаются в полумраке, и не знаю, как назвать твою умябку, — оттого ли она, что тебе просто хорошо сейчас, а вечер теплый, тихий и прозрачный, и, кажется, все вокруг покоя и счастья, и в боках сплутуть твою умябку, тоже молчу и убаюкиваю.

Ионские сумерки...

Всем хорош июнь: своими долгими погожими днями, своим испепел и щедрым солнцем, своим асамо моросливым дождем, своей свежей сочной зеленью, своими полными прелестью своим кузнечным стрекотом и штычным жужжаньем, но наиверное, всего лучше своим сумерками.

Мы шли полевой дорогой к ассу. Где-то высоко над нами распевали жаворочки, а солнце садилось. И чем ниже оно сходило, тем звучнее становились птичьи голоса. Кружок распадающегося золотого подкатился к самым верхушкам деревьев, постоял мгновение, будто замер, огадевшись напоследок, и сник.

Зеленый мир встретил нас хлопотливый стрекотом адромов — они перелетали в гущине и провожали нас встревоженными голосами. В ассу было сумрачно — просеки и дорожки скрывались под сводом молодых побегов. Воздух был сморой, росистый — запахи деревьев и трав уславившись до небывалой ослепительности, казалась, каждая травинка издавала свой запах, но острее всех был горьковатый дух березы.

Когда мы вышли на поляну, солнце еще касалось последними лучами дубовых кроны.

Дубов было два, старых и крахтистых, но молодая листва их была такой светозарности, что казалась густым свежий тон окружающих поляну берез. Заря развилась охватывая своим синим полемем. Она горела долго и ярко; по-прежнему шумели птицы, поодаль кукушка отмеряла годы, другая странно хлопотала, ярилась и варит сева на сухую вершину дуба. Она прокуковала раз, другой и, заметив людей, светела. Потом заря стала блекнуть, небо, прежде неправдоподобно лиловое, на западе густо алое, розовело, светело, возвращая свою голубизну.

Асень в июне долго не уходит, не уходит он и тогда, когда погаснет заря. И долго бывает еще светло перед короткой, словно застенчивой, прозрачной ночью. Сумерки спускаются незаметно — амы, тон дубовой листвы, прежде такой сочно-зеленой, сереет, но еще видно каждую травинку и каждый аисток. Воздух все больше шинеет, свежеет, он хрустально чист и гулок — адыккие звуки приближаются, и мы хорошо слышим голоса людей, идущих по дороге.

Вот раздалась звонкие девичьи голоса — наиверное, это девчата идут на танцы. Они шаверста, весело поют.

Послышалась другие голоса, уже пожилых людей, и по тому, как они отрывисто разговаривают, можно догадаться, что они нагулялись тяжелыми ветнами и идут с поезда.

Потом и эти голоса смолкли, стал совсем тихо, и птицы, распевшие было на заре, смолкли. Сумерки становились все гуще. Они словно что-то такали в себе невысказанное, ждали чего-то... И тут тишину прорезала рез-

кий посвист, послышалось загадочное трещание, и он вылетел на поляну. Небо было еще светлое, и мы разгадали его, бурого, длинноносового.

— Кто это?

— Это синяя птица.

И тогда ты первый раз умябнулась, и я не понял, что означает эта твоя умябка.

— Это синяя птица сумерек. Ее зовут выальди. Она прилетает к нам весной и с тех пор живет над ассом зорьки. Понимаешь, ведь — такая пора... она долго не проходит и даже сейчас, в начале лета, еще остается в зорях, и выальдины находят нам об этом.

Где-то далеко заповою словной. Ему откликнулся другой, третий. Наступило то время, когда ассы борется с ночью и уступает ночи, но темноты все нет, и, кажется, можно было бы и читать и писать. Адыккие предметы по чернине, померкам, приобрели прозрачные, обмачивные очертания. Просека термилась в седом тумане, над ней низко вставал месяц. Незнакомство откуда возникший ветерок прошуемая в аистке и стик. Балакнее глухо перестуккивая колеса проходящих поездов и прощальное гулеан паровозные гудки.

— А пройдет июнь, и выальдины перестанет летать, и остальные птицы смолкнут.

И снова ты только умябнулась и ничего не сказала.

Мы возвращались по темной просеке, и дорожку нам указывали рассыпанные в кустах светлячки. После сумрачного, туманистого и прозрачного ассы и поле кажется светлым и теплее. Небо густо-синее, но не темное, и не поймаешь, какое время сейчас, — вечернее или утреннее, так ярко светит по горизонту неугасшая полоска, словно зашедшее солнце снова собирается восходить, — это заря с зарей сходится.

Ионские вечера... Короткие светлые ночи... Замерцали первые звезды. В овсах забил одинокий перелет: «Пить-полоть, спать пора». Куда идем мы по этим тропкам и дорожкам, затерявшись среди обступивших нас серошальных полей? Словно и нет ничего, кроме этих сумерек...

В посылке тихо. Ничто не нарушает охватившего все округу благодытного спокойствия. Время к полночи, а не спится. Кто-то сидит и покашывает на скамейке, кто-то проходит мимо, никого не узнать в этой странной полуметме. И люди и природа отдыкают, зачарованные сумерками, их прозрачностью, их мягкостью, их тихим дыханием.

Мы прощаемся, стоим и молчим. Что же сказать тебе хорошее, самое лучшее, что я знаю? И ты хитрококо спрашиваю:

— Какая же умябка у ионских вечеров? Черты твоего ассы терзаются в полумраке, неясная умябка на твоих губах.

— Такая же, как твои?

Ионские сумерки...

Вы можете сравнить их с уальной любовью, и с неирхотивными в своей красе полевыми цветами, и с песней, долгой, задумчивой и, может быть, чуть грустной, что далеко свивается в аутух. Во всем вы будете правы: в них воплотилось то хорошее и простое, что находим мы в адах и в природе. Таков уж июнь и таковы его сумерки. Вот вы их и примите, как скромный его дар.

Ионские сумерки

Дорогие товарищи, одуши влюбленные в танцы!
 Дорогие товарищи, всей душой презирающие танцы!
 Те, кто не пропускает ни одного танцевального вечера
 в своем клубе,
 и те, кто считает эти вечера напрасной тратой времени,—
 давайте серьезно поговорим о том, что же это такое —
 ВЕЧЕР ТАНЦЕВ.

Э. ВИНОГРАДСКАЯ

„ОТДЫХАЯ В КЛУБЕ“

ПОЧЕМУ СЛОМАЛАСЬ РУЧКА

«Души не чает в эстрадной музыке», «Готов битый час сидеть у приемника и слышать джаз». Но правда ли, такие фразы принято воспринимать как цитата из характеристик стализи, а может быть, и законченного туземца?

Но позволю рассказать вам сначала об одном диспуте. Он назывался «Поговорим о танце современника» и проходил в отделе главного технолога большого харьковского завода. Ребята заранее объявили войну всяким «сценариям», и хотя каждый специально готовился, не было никаких заученных вопросов и таких же ответов. Был спор, живой и предметный. Приемщиком работники отдела приняты в нем же менее горюче устроены, чем комсомолы. В тетради заместителя комсорга, фиксированного ход диспута, после очередного выступления появилась даже такая запись: «Замечательно! Заслушали и не записали». Тогда комсорг начал писать сам. Но вдруг молодежь так дружно зашумела, что комсорг, тоже бросивший аллолировать, не успел положить ручку, она упала на пол и сломалась...

Кто же засаживал такую овацию? Это был один из старых инженеров, скавазши, что нужно чуть относиться к увеличению молодежи, в том числе и к ее увлечению джазовой музыкой.

Дело в том, что прамодульный оратор — тоже кадровый инженер — обрушился на молодых за пристрастие к современной танцевальной музыке, противопоставляя ей старые, традиционные танцы. «Что вам нравится — спрашиваю он. — Роки эти, что ли?»

Аудитория забушевала. Просила слова даже те, кто не умея танцевать, и те, кто вообще не собирался выступать...

Вспомнил все; и что настоящая джазовая музыка — это не пошлые «рок-н-роллы», а искусство, уходящее корнями в национальные мелодии и ритмы; что нельзя смешивать подлодно джазовую музыку, близкую к парадной, с подделками западных аналитиков; что легкая музыка существовала всегда, ее писали и в Бав и Бетховен; наконец, что Ван Клиберна, отдавая между репетициями, играл «Голубую распосидю» Гершвина, а студенты Московской консерватории с удовольствием слушали его. А ведь и Клиберн и они сами — серьезные музыканты!

Большинство выступивших на диспуте учился в институте, техникумах, да на курсах повышения квалификации. Народ не легкомысленный, думающий, все они — частые посетители филармонических концертов, оперных спектаклей. Но это не мешает им итти симпатичи к современной легкой музыке, к джазу. Почему? Думается, потому, что ее ритмы, темп, живучедростность близки нам, выражают какую-то часть нашего мироощущения — конечно, не так глубоко, философски, как серьезная музыка, но по своему ритму и темпераменту. Эта музыка — хорошая основа для танца, под нее хочется именно двигаться, танцевать, и никакие «п-ошлости» и «п-де-плативеры, которые у нас пытаются воссоздать, не заменят ее.

Нужно бороться не против джаза, говорилось на диспуте, а против плохого джаза, не против современных танцев, а против уродливых, чуждых нам «модернов», походящих на наши танцплощадки. Казалось бы, все было ясно. Но вот я побывала в нескольких клубах нашего города и поняла того инженера, который так возмущался современными танцами. У этого инженера два взрослых сына. И если они танцуют так и под такую музыку, как здесь, то можно только посочувствовать их отцу.

И если одно — ни в одном из этих клубов и не встретишь тех ребят, которые так горько ратовали за джаз у себя на диспуте. А когда я потом спросила, бываю ли они на вечерах танцев, на меня взглянули с удивлением и пожалы плечами:

— Ну что вы...

«А С ЗАВХОЗА СПРАШИВАЮТ...»

У нас отличное настроение, радом с вами симпатичный человек, вам хочется как-то празднично провести вечер. Хорошо бы заглянуть к друзьям, повеселиться, потанцевать... Но представьте, что ваши друзья живут в общежитии и сами стремятся куда-то выбраться в свободное время. Что тогда делать?

Хорошо бы, конечно, отправиться в молодежное кафе, встретиться, скажем, с начинающими поэтами, послушать небольшой эстрадный ор-

кестр, потанцевать. Но допустим, что в вашем городе много начинающих поэтов и ни одного молодежного кафе. Как быть?

«Сегодня в клубе танцы» — эта афиша висит у входа в клуб каждую среду и субботу. Иногда пишут: «Вечер музыки и танцев», — как будто бывают танцы без музыки. Встречается и такое объявление: «В среду, субботу и воскресенье — вечер эстрадной музыки». Ну что ж, не всегда же танцевать, послушав концерт эстрадной музыки. Но, увы, это объявление маскирует все те же танцы.

Танцы платные. Бесплатные бывают 8 марта, 1 мая, 7 ноября и 31 декабря. Да еще на молодежных вечерах, но это бывает не чаще одного-двух раз в месяц.

У кассы дачка. Приостановлена продажа билетов на очередной киносеанс; предплатные отведены таншорам, а то, чего доброго, и кассу разнесут.

За полон. На выступки — воздушные платочки, на юшках — выходящие костюмы. А вот и засветился таншер — он в черном, с белыми галстуками, такие парадные, словно их уложили вместе с костюмами. Держится они по-свойски, ходит группами и отпускает девушкам небрежные комплименты. Засветается не так уж много, но они задают здесь тон.

А тон этот особый, вы его больше не встретите. В самом деле: где еще вам позволят говорить девушкам сомнительные комплименты, развешив держаться, ухарски танцевать? Правда, если вы придете внакивал или будете слишком громко рстачать свои любезности, слышном некриво танцевать, на вас обратят внимание натурю, но если не слишком — пожалуйте! И выключаются малышечки фигуры в каком-то напелем подобии модного танца, и бледнеют девичьи лица от лениво брошенных дусмысленностей, и невольно становится пожимому человеку, заметившему среди этих кивочек и девушек своего сына или дочь или просто родит из своего цеха...

То что здесь на вечера танцев? Конечно, молодежь. Но далеко не вся. Большая часть ее, увлеченная спортом, искусством, техникой, попадает сюда не часто. Многие и вообще не бывают, как, например, те молодые инженеры, о которых говорилось вначале.

В заводских районах танцы посещают в основном девушки из общежития, расположенных поблизости от клуба. Это хорошие девушки, не бездельницы и не стилисты. Большинство из них и работает, и учится, да еще занимается хозяйственными делами. И когда выключает вечер, свободный от работы, стирки и алгебры, хочется какой-то радости. Девушки наряжаются и идут на танцы. Кто знает, может быть, встретится там хороший парень, начнется большая, настоящая дружба...

Что ж, бывает и так. Но гораздо чаще девушка не получает от этих танцев ничего, кроме сомнительного удовольствия покружиться с партнером, смотрящим на нее так свысока: как бы, оказала честь, пригласила на танец! И в большинстве случаев она тоже считает, что ей оказана честь — ведь подружки жмуется у стен или танцуют друг с другом... и терпят его превнебреженно, бесцеремонно, лишь бы только танцевать!

А ради чего приходить сюда эти самые партнерши? Но то, что попал на танцы случайно, от нечего делать, а засветили, которых видят здесь

амне если вы и привалили, это все равно действует на нервы. Там и в то утро, если его, конечно, можно назвать утром. В действительности же было ночь. Мы на Пласете не знали во времени, потому что палассеты не знали такое на неплютосе, и все остальное на этой бестолковой планете. Они движутся по орбите в форме восьмерки вокруг двух звезд: солнца, вертущегося вокруг и милой солнцены, а два солнца вращаются одно вокруг другого так быстро и так относительно близко, что астрономы на земле долгое время считали, что это одна звезда, пока экспедиция Блейнсли не высадилась здесь двадцать лет назад.

Видите ли, между солнцены находится поле Блейнсли — поле, где сияют световых лучей сильно замедляясь. Они остаются позади.

Если вы не читали отчетов Блейнсли, тогда давайте вместе!

Пласет — единственная из известных планет, где происходит одновременио два солнечных затмения. При этом кажется, что Пласет сумевшим неслышно приблизиться к самому солнцу и... проносится мимо него. Я сам не верю и был страшно испуган.

голосом на Пласете, увидев второй Пласет, испустился прямо на землю. Но ято читал отчеты Блейнсли и знал, что происходит. Это напоминает старые фильмы, но почти неслышно пришло на них. Им хотелось убежать, но они знали, что никакой го locomotiva нет.

Я начал рассказывать про то утро. Я сидел за столом, писалась бумага, и слышал крикание его зеленого трава. Ноги мои стояли, или как будто, что они стояли на порывах рябью воды. Но они не были в воде.

Сверху на траве — на письменном столе — лежал большой цветочный горшок, в который носом была воткнута зеленая ветка суккулента яггерия. Это — вероятно, самый главный — был мой ручка и чернильница. И еще там было что-то, на чем лежало несколько книг, которые они были вынуждены оставить. Я не успел прочитать написанное до того, как начался приступ.

Видите ли, момент, лучше сказать, что лавания тогда, когда Пласет находится в поле Блейнсли, и Аргарай II — двумя солнцами. Это научное объяснение лав-

П. П. ПЛАСЕТ

нения, но его лучше выразить не словами, а формулами. В конце концов дело в том, что Аргарай II состоит из земной материи, а Аргарай I — из антиматерии. А по линии пути между ними на значительном пространстве

находится поле, где движению световых лучей замедляется. Они движутся примерно со скоростью звука, и поэтому, если что-либо движется в этом пространстве, как сам Пласет, его можно видеть приближающимся,

ногда оно уже миновало тебя. Видному образу Пласета требуется 26 часов, чтобы пересечь поле. Затем Пласет обнаруживает вокруг одного из солнц, встречает свое изображение на обратном пути. В середине поля

из вечера в вечер! Некоторые из них, возможно, и в самом деле страстно любят танцевать, и я уверена, что большинство привлекает именно эта атмосфера беззаботной развлекательности, пошлого, дешёвочного уюта — атмосфера, которой у нас не найдётся ни в каком другом месте. Попробуй вести себя так, скажем, на вечернее свое чае — тебя призовут к порядку организаторы вечера, комсомольское бюро, профсоюз и сами товарищи, члены твоего коллектива.

А кто организует вечера танцев? Какой коллектив устанавливает свои порядки, обычаи, нормы поведения и соблюдения? Да никак! — Вечера танцев — чисто коммерческое предприятие. Покупай билет, ходи и делай, что хочешь, только не стой на голове и не бей стекла. Впрочем, билет, и стекла вьет. Мне самой довелось слышать жалобу одного клубного завхоза: «Как танцы, так несомненно стекла нет. А с завхоза спрашивают...»

Нет, справлять нужно не с завхоза. Давайте прежде всего зададим вопрос самим себе: нужны ли нам танцы сейчас, привносящие молодежи несомненно, вульгарные манеры, дурной вкус? Пусть ответит товарищ, ведущий клубами; стоит ли вводить в финансовый план такую статью дохода, как платные танцы? Не слишком ли велик моральный вред, за счет которого достигается этот доход? Давайте спросим руководителей самостоятельности, композиторов, пишущих легкую музыку, эстрадных и балетных артистов.

Товарищи, вы когда-нибудь обращали внимание, как танцует наша молодежь? Помогите, подскажите, как добиться, чтобы оркестр не играл застывших, балластных мелодий, а исполнил хорошую танцевальную музыку и не только танцевальную, но и просто эстрадную, к которой можно послушать в партере между танцами? Знаю одна молодежь с новыми произведениями Цинцадзе, Шнитца, Бабаджаняна и других советских композиторов.

Как добиться, чтобы во время этих вечеров кто-нибудь (назовите его артистком, распорядителем, директором) был позависимым кривым носом танца, ведь молодежь зачастую танцует уродливо просто потому, что не умеет иначе!

Как добиться, чтобы на наших вечерах действовали какие-то правила поведения, если хочешь, этикет, который диктовал бы себе девушка, как привлечь девушку на танец, как ее поблагодарить, отвести на место и т. д.?

Если бы все это удалось добиться, то, может быть, и не нужно было ставить вопрос об этикете платных танцев: что ж, за хорший концерт легкой музыки, за то, что вас научат новому танцу, за труд людей, создавших музыку и праздничность этого вечера, стоит заплатить.

Кстати, тогда можно будет спросить и с завхоза. Только не за битые стекла, а за обыкновенную чистоту и порядок, которые им, завхозам, обязан нам обеспечить.

КАК ОН К ТЕБЕ ОТНОСИТСЯ?

А с девушками хочется поговорить особые. Дорогие девушки, почему вы позволяете новому танцевать с вами в такой пренебрежительной, разбитой манере? Или вы не связываете эту манеру с отношением к

вам? Напрасно. Задумывались ли вы над тем, что танец обязательно выражает отношения между людьми?

— В одной из харьковских школ мне рассказали такую историю: кто-то из старшихклассников, неплохой, но озорной парень, принес на вечер отдамку «ультрамодному» заграничному пластинку и поставил ее тайком от дежурного учителя. Из радиолюбов поехали дикие синьки, прерываемые упрямым завыванием. В зале сначала рассмеялись, потом кто-то решил попробовать, как это получается. Другое последовало: по примеру, и началось что-то неообразное. Дежурная — молоденькая учительница — растерялась и побежала наверх, в радиолу, чтобы выключить приемник. Но ее остановила директор школы, опытный педагог.

— Нужно не запереть, а убедить ребят, что так танцевать нельзя.

Она дождалась, когда пластинка окончилась, и только потом вошла в круг танцующих, попросила внимания и спросила:

— Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что такое танец?

И она рассказала школьникам о том, что танец родился раньше слова, что с самых древних времен люди выражали в нем радость, гнев, печаль, что он и до наших дней сохраняет эту способность отражать человеческие чувства. Недаром на Западе, где эстетски стараются вытравить из человека высокие душевные стремления, развить в нем лишь жадные, животные начала, родился танец с развлекательными, изломанными движениями, в которых ясно чувствуется неуважительное отношение юноши к девушке, презрение ко всем хорошим, чистым человеческим чувствам, в том числе к дружбе и любви.

— Ноужели... — закончила директор, — этот танец выражает и ваши чувства друг к другу? Неужели то, что вы сейчас танцевали, передает отношение ваших товарищей к вам, девушкам? Ваше отношение к девушкам, ребята?

Все было заиротствовало. Девочки обижено отворачивались от мальчиков, те казались, что и не думали. «...да что ты, Наташа, не знаешь меня, что ли?»

— А раз так, не надо нам подобных танцев! — добавила директор школы. — Объявляю вальс. Приглашаю девушку!

Одна из старшихклассниц воскликнула: — Приглашаю самого умного из присутствующих! — И когда мальчишки толпой ринулись к ней, засмеялась: — Сколько жевающихся танцевать со мной!

— А я приглашаю самого глупого из присутствующих! — объявила директор школы.

И парень, пришедший «модерную» пластинку, стал под общий смех проталкиваться к ней:

— Пустите, ребята, это меня...

К сожалению, директора средних школ, как правило, не бывает на наших вечерах. Да и большинство из вас, девушки, уже закончили школу. Но как хотелось бы, как нужно было бы, чтобы каждая из вас, заметив, что ее партнер танцует в небрежной, расхлябанной манере, спросила себя: «А как он ко мне относится? И, почувствовав неуважение, без колебаний расталась с ним.

Впрочем, это уже не только о платных танцах, а о танцах вообще. Ведь танец должен отразить красоту человеческих отношений, ведь он — чудесное выражение человеческой радости, и чем больше ее будет у нас, тем краше должен быть наш танец!

встретаются приходящий и уходящий образы, и они заставляют планету двигаться, заслоняя одновременно два солнца. А еще через некоторое время планета календлет прямо на вас и страшно пугает, хотя вы знаете, что на самом деле этого не происходит.

Благодаря, я попробую объяснить по-другому, пока у вас окончательно не закружилась голова. Представьте, что перед вами находится огромный телевизор и вы не только видите звук, но и слышите его быстрее звука. На расстоянии пяти от вас он светит. Он проходит мимо вас, а затем вы слышите свисток от того места в милю от вас, где доломитва звук. Это звуковой эффект предмета, движущегося быстрее звука; а то, что я вам рассказал,— зрительный эффект предмета, движущегося по орбите в форме восьмерки быстрее, чем его собственное излучение.

Это не самое чудовесное. Можно не выходить из дому и не видеть затмения и столкновения, но наблюдая хронологического эффекта поля Блейнсия избобрать невозможно.

Полвека назад существовали центры или на ту часть мира, которая ведет зрение,— это олицетворяет действия некоторых наркотиков.

Я прекрасно знал, что сижу за письменным столом со стелляющей, а не полярной, трапезой красной, как мне казалось, что под глазами у меня обычный гол, а передо мной пролетают ракеты, что на столе не розовый цветочный горшок с фиалкой, а старинный, начала двадцатого века, русский прибор и нечто, на чем вышиты «Боже, храни наш дом»— обиходный блок радиодетейлята. Я мог ясно видеть эти вещи, хотя они находились до них,— эффекты поля Блейнсия не затрагивали органов осязания.

Конечно, можно закрыть глаза, но обиходный блок не делает, все равно, если вы в знакомом месте, как будто видите подкашиваются вам, что там происходит.

Потому, когда открылась дверь и вошло двагубое животное, и пошла эта штука Риган, Риган вовсе не двагубая, и узнал его просто по звуку шагов.

— Кто, Риган? — спросил я.

— Птицы? — спросил я. Он начал обемни голени.

Подземная часть стен, наверное, похожа на рущее то— птицы все время летают сквозь них. Не лучше ли добрышам зайти в бетонный или вы верите, что усливающие балки из нового сплава останки кидать? Конечно,— сказал я. Завел глаза, и повернулся, чтобы взглянуть на часы, но вместо них на стене висел погорбленный человек из белых лилий.— Я надеялся, что не придется упереть лба в стену, пока не получу усмиряющую балку,— сказал я.— «Ари» должен скоро прибыть. Они, наверно, ищут, где-нибудь поблизости, поднимай, когда мы выйдем из пола. Как вы думаете, мы можем подождать, пока...

Послышался треск.

Да, теперь торчитися ненадуга что обрушился наш шинный зал.

— Там никого не было? — Никого. Но я проверю,— сказал он, выйдя.

Такая жизнь на Пласете. С нем более чем достаточно. И пока Ригана не было, я решил.

Когда он вернулся, это был светящийся элемент, болтающийся на шарнирах. Он сказал:

— Порядок, шеф. Там никого не было.

А машинный салон временно? Конечно, я разглядываю резную посуду в красном фоне, определяя, какой из них повреден, толькой станок? А вы представляете, шеф, на что вы похожи сами!

— Если вы скажете, я вас приступлю! — ответил я.

— Сам не знаю, шутил или нет, я просто стою до тонки. Отвращающая стена, я полагаю, тута нечто с тем же названием, как у нас в писью «Боже, храни наш дом».

Я был счастлив по горло. Пласет — сумасшедшая планета, и если вы пробудите там долго, вы легко можете свихнуться. А я уже был почти три года. Мой контр-агент, я решил.

Риган! — позвал я. Он остановился у двери.

— Отправьте радиogramму, позвольте мне это сделать. Предложите слово: «I quit» («Я иду») (англ.). — Я зашел.

— Хорошо, шеф,— ответил он, выйдя.

Я сел и закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Дело сделано. Земной Центр вел себя довольно забавно. Но мне хотелось, чтобы вы попали в отставку, его

сотрудники не позволят вам изменить решение.

Я знал, что средний период уже замкнулся, но все еще сидел с закрытыми глазами, сидел и думал. Неприятно, что Риган там делал отсюда и моему решению. Он был хорошим другом для меня целых десять лет и по крайней мере мог бы выразить сожаление, что я ухожу. Правда, это для него никак не повлияло, но дома думаю, он мог бы быть более дипломатичным. Во всяком случае, он мог...

Риган был моим студентом Земной Полиинститута, и я нашел для него работу на Пласете, очень хорошую работу для молодого человека: помощника администратора планеты с населением до тысячи человек. Мой брат был хорошим инструктором, а я был только тридцать один. Отличная работа, правда, здесь нельзя построить ни одного здания; они разваливаются и...

«Брось скунты», — сказал я себе. — Все конечно. Обратно на Землю — и снова преподавать. Забыл об этом.

Я очень устал и, наверно, заснул на минуту...

Я открыл глаза при звуке шагов. Это не были шаги Ригана. Тамево было лучше видно, и я увидел. Это была или так казалась — красивая рыжая женщина.

Конечно, это не могло быть Пласет, все же, насколько женщины, в основном немеем технического персонала, но... Я вспомнил, что не помню, мистер Ранд! — сказала она. Это была женщина, я слышал ее голос и притом очень красивый. Кроме того, он звучал словно знакомый.

Не говорите глупостей. Как я могу узнать, в какой из средних я?

— Я вновь взглянул на женщину и понял, что она настоящая женщина. Когда я узнал ее, она здорово изменилась. Красивая, и я помнил ее на полу, Пласет. Пошлина Уйт была красавицей, и я не помню, когда она слушала мой рассказ по телевизору.

Я встал на третьем курсе Земного университета, и она была хорошей женщиной, сейчас стала красивой, ошеломительно красивой. Как же не эти типы из телевидения

пропустили ее? А пропустили ли? Зачем она здесь? Должно быть, прибыла на «Арне», но? Я думаю, пока, что усталый на нее, как последний дурак. Последнее впрочем, она могла, я чуть не перелетел через стол.

— Конечно, я помню вас, мисс Уйт,— сказал я, замкаясь.— Не признайте ли? Как вы сюда попали? Разве разрешено туристам здесь шуршать?

— Я же туристка, мистер Ранд.— Она с улыбкой покачала головой.— Центр искал зам смирять, а я предложила свои услуги, и они взяли меня, ведь, конечно, вы не против. У меня месячный испытательный срок.

— Замечательно, — сказал я и начал развивать свою мысль.— Превосходно.

За мой спиной кто-то нахлынул. Я оглянулся, в дверях стоял Риган. На этот раз не голубой свет и не двагубое чудие — просто Риган.

— Ответ на вашу радиogramму. Он подошел и поглотил бланк на стол. Там стояло: «Хорошо. 19 августа». Дикая минутная надежда, что они не примут моего отставки, рухнула. Ответ был так же коротким, как моя просьба.

19 августа — следующие прибывает «Арне». Они знономили время. Мое и свое. Четыре дня.

Риган сказал: Я думаю, вам не терпится узнать, Фил.

— Да,— сказал я, взглянув на него.— Благодарю.— И с чувством горечи подумал: «Угу, голубчик, тебе не помини моего места, иначе бы этот разговор шел по радиограммам. «Арне» следующим рейсом привезет заветный билет. Но сейчас это только бредовая благосанности держала меня. Я...

— Мисс Уйт, познать бы вам и Айбоя.

Они посматрели друг на друга и расхохотались. Конечно, это смешно. Риган вместе ушел с меня, так же как и те, кто был с Айбоя. Только никто не называл его своим именем — Айбоя или Айбоя, их звали Мишельна и Айбоя, их звали Фил и Айбоя.

— Я встретил Майн, когда она была в отпуске, — сказал я. — Как найти вас кабинет, вас не было среди студентов, — сказал Риган.

— Благодарю, — ответил я.— А усливающие балки прибыли на Землю. Как вы думаете, да они разрушают канале-то, мисси, они уже стартовали обратном.

Я недоволю заволачу.

— Пойду зарегистрирую грехи миссера Ригана. Я зашел только радиogramму, думай, вы обрадуетесь.

Он вышел, я это посмотрел ему вслед.

— Мне сразу приступить к работе, мисстер Ранд? — спросил Айбоя.

Он вышел, я это посмотрел ему вслед.

— Конечно, нет,— сказал я.— Вы сначала должны осмотреться. Оглянитесь, осмотритесь, аналитизируетесь. Хотите проглотиться в поселок и вылететь?

— Ну, конечно, нет, и небольшая группа строений. Все они были маленькие, одинаковые.

— Очень приятно,— сказала она.— Такое чудие, что идушь по воздуху, такая я летачу. Какое здесь притяжение?

— Если вы весите 50 килограммов на Земле,— сказал я.— то здесь около 35. Вам это к лицу.

— Она засмеялась.

— Благодарю, профессор. О, теперь вы же профессор! Вы мой шеф, и я должна называть вас мисстер Ранд.

— Только в том случае, если вы не хотите звать меня просто Фил, Мишельна.

— Согласна, но с условием: зовите меня Майн. Я так же презираю имя Мишельна, как Фил — Айбоя.

— А как поживает Айн? — спросил он. У него же аспирантура в Полиинституте, правда, это ему не очень нравится. Она посмотрела на поселок.— Почему там много маленьких домов вместо двух-трех больших?

— Средняя продолжительность жизни любой постройки на Пласете не больше трех месяцев. Конечно, вы знаете, когда она рухнет на людей, это наша основная проблема. Мы должны, да мы должны сделать,— это строить маленькие, но устойчивые и фундамент — крепкий, и, насколько возможно, до следующего раза перенести, когда дома рухнут, если, конечно, вы не хотите мала. — Выспрашивал? Что это значит? — Нет, — ответил я.— Это птицы.

— Кто? — спросил он? — Я не увернулся от смеха, когда он вынул из кармана его личико.

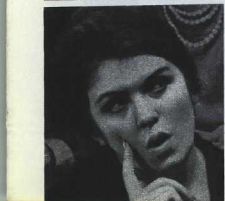
Пласет — сумасшедшая планета. Мы только что назвали, что ходите по воздуху, что идиете по стене, и что вы состоите из обиходной и из сверхплотной материи. Последние два утверждения молекулярными связями, та-

ВОСТОЧНАЯ
ТРИБУНА

«КВН» МЫБАЕТСЯ, «КВН» СМЕЕТСЯ

Э. ДАНИЛОВА Фото М. МОРГУЛИСА.

Тебе 17? 18? 20 с небольшим? Значит, ты тоже член «Клуба Веселых и Находчивых», даже если не носишь специального значка «КВН» и тебе не присылают приглашительных билетов на его заседания. Впрочем, традиционным словом «заседания» вряд ли можно выразить все, что там происходит и о чем частично ты можешь судить по этим снимкам. Ведь это смех, и улыбки, и раздвоенная радость болельщиков, и перекрестный огонь вопросов, и напряженная работа мысли, и шутки...

Раз в месяц клуб «КВН» появляется в эфире. Раз в месяц павильон студии телецентра превращается в площадку для веселья и состязаний в сообразительности. Треницы этой площадки определят довольно трудно, потому что она давно уже захватывает пространство за четырехугольным домашним экраном. «Вертеп в руки карадаш!» — призывает посетка тех, кто не явился в студию. И у них есть большие возможности доказать свою причастность к клубу. Например, можно утвердить свое первенство в фотографии, сделав, пока идет передача «КВН», прямо с экрана самый интересный снимок.

А тем временем в студии две

студенческие команды во главе с капитанами — самыми знающими и бывальыми людьми институтов — состязаются в смекалке и находчивости. Идут конкурсы. Они очень разнообразны, и надо быть готовым ко всему. Если рядом с тобой дама, а перед тобой лужа, а за тобой сидит придирчивый взгляд Дон-Кихота и от того, как ты будешь вести себя, помогаю даме преодолеть нарисованное препятствие, зависит успех команды и настроение инстагетских друзей, то, прямо скажем, положение твое не из легких.

И ядрт — Канарские острова. Найти на карте и показать. Оказывается, не так-то это просто — сразу найти Канарские острова. Ну что ж, как поется в песенке клуба: «Пусть кому-то повезет, а кому-то нет...»

А вы, исследователи галактик, вы подготовлены на тот случай, если окажется в Океане буря или Море дождей? И запались ли вы двумя тоннами воды, пиши и кислорода для каждого, если собираетесь пробыть в космосе год? Все это надо знать, чтобы победить в конкурсе «Космическое путешествие».

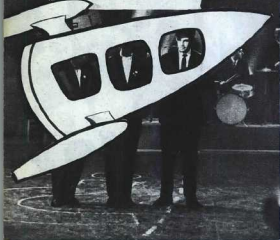
Может быть, и не обязательно человеку знать, с какими какими горного хребта был прикован Прометей, но спрестить рапиры своих

знаний, помериться силой и ловкостью, блеснуть метким словом или каламбуром человеку совершенно необходимо, если его возраст — 17, 18 или 20 лет с небольшим.

Непосредственность импровизации — вот тот фокус, который обирает и держит неслабого интереса аудитории. На ней и построена свои передачи из «Клуба Веселых и Находчивых» молодежная редакция московского телевидения. Импровизация интересна еще и тем, что таят в себе любопытные неожиданности. Меньше всего, конечно, присутствующим ожидания, что конкурсы драматургов окажутся днем, вернее, вечером, рождения сразу и сатирической миниатюры и нового сатирика. Представители двух команд были отправлены в творческую командировку на 15 минут, чтоб дописать финал веселой сценки польской писательницы Стефании Гродзиньской, не до конца сыгранной артистом Ленко. Один из финалов оказался настолько хорош, что Ленко взял его на свое сатирическое шоу, а судья конкурса писатель Леонид Лиходеев, вручая победителю грамоту, выразил надежду, что его первый импровизированный успех не будет последним.

Но не для всех «Клуб Веселых

**ДЕТИ!
НЕ ХВАТАЙТЕ
С НЕБА ЗВЁЗДЫ
И НЕ ДЁРГАЙТЕ
КОМЕТЫ ЗА ХВОСТ!**

Чтобы хорошо ориентироваться в космосе, надо четко знать расположение звезд и галактик.

Нарушители! Внимание! Это для вас разъяснены правила космического ОРУДа.

Кстати, если уж собрались в космос, послушайте, что расскажет вам марсианин о своей планете.

и Находчивых» — это успех и хорошее настроение. Ведь в состязаниях всегда кто-то должен быть победителем. Забавно, что победителем может оказаться победитель, как в конкурсе на «Самую безвкусную вещь». Среди несовершенных изделий легкой промышленности команды определили три самых скверных, и прямо со студии поехали поздравительные телеграммы директорам предприятий, вышустивших эти изделия в свет. Вряд ли кто-нибудь захочет дважды познать такую «радость победителя». Значит, есть надежда, что безвкусных вещей в нашем быту будет меньше.

Так живет, смеется и развлекается «Клуб Веселых и Находчивых» — «КВН».

«Полосатый рейс». Видели эту кинокартину? Кто быстрее и лучше нарисует ее главного героя?

«Ловкость рук и... никаких правил». Попробуйте окрасить за две минуты бумажное кольцо и при этом не запачкать ни пальцев, ни ладоней.

Какое следующее задание? Чтобы узнать его, надо надуть шарик — задание написано на его круглом телмце.

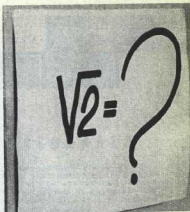

Быть настолько галантными, чтобы угодить самому Дон-Кихоту — рыцарю из рыцарей... А ведь именно он спрашивает:

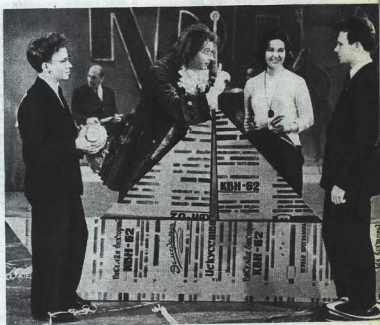
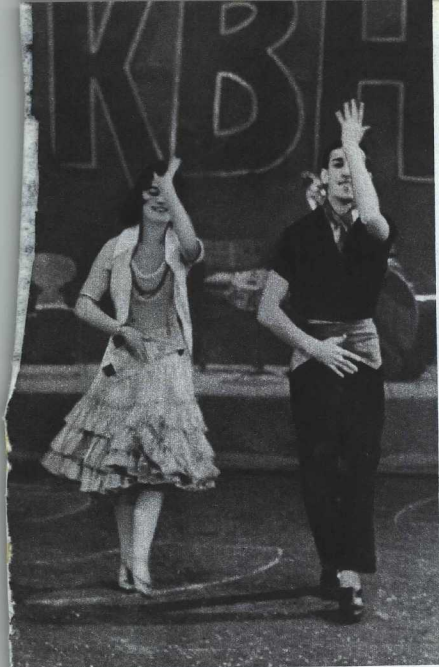
— Кто должен быть опереди — девушка или юноша, когда они поднимаются по лестнице? А когда идут вниз?

А вы можете вычислить корень квадратный из двух с точностью до пятого знака?

В найденномazole бригадисты термос — вопрос. Сам Жак - Мери - Элизетт - Франсуа Пасанель просит дать на него быстрый и точный ответ.

А в перерывах между конкурсами можно посмотреть на выступления студентов-танцоров.

Такое может придумать только барон Мюнхгаузен: самого себя отправить посылкой.

Как всегда, барон забывчив. Рассказывая историю, он обрывает себя на подсказку... Правильно подсказки ему — и прибавив к очкам, заработанным своей командой, новые баллы.

Каждый стремится выловить для противника побольше... каверзных вопросов.

А здесь все просто: кто ловчее и сильнее — тот быстрее.

МАТ

Под редакцией мастера
В. ЛЮБЛИНСКОГО.

ВЗАИМОЗАЩИТА 16 ФИГУР

Автор задач-головоломки Фред Галин сумел так искусно разместить шахматной доске 16 фигур, что каждая из них (6 пешек, 2 ладьи, 2 коня, 2 слона, ферзь и король) оказалась под защитой какой-либо одной (и только одной) фигуры. Чтобы отчитавшие устнуть смысла размещения фигур, придуманного Фредом,

взгляните на диаграмму. Два коня и четыре пешки образуют позицию полной взаимозащиты этих шести фигур. В самом деле, предположим, что черные ходы и разрушатся на коня а7 (или а7). В этот момент на немедленной будет уничтожена пешкой в8 (соответственно а5), и только этой пешкой. В случае нападения черного коня на коня а7 (или а7), эти пешки а5 и а3 защитят коня а7 и в7.

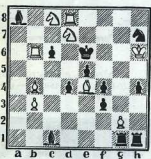
Считая, что взаимозащита шести фигур уже организована, разместите на шахматной доске 10 остальных белых фигур (или заново все 16 фигур) в соответствии с основными требованиями: каждая из них должна находиться под защитой одной, и только одной фигуры. Дополнительное требование не должно быть «свободных» фигур, то есть каждая из них не только защищает, но и сама защищается какой-либо фигурой.

Задачи наших читателей

Редакция «Смены» недавно получила три оригинальные шахматные задачи, составленные юными воспитанниками комбинаторами — учеником 10-го класса 736-й школы Калининского района старшим комсомольцем Юлей Краплиным, учеником 10-го класса 294-й школы Дзержинского района Лены Пасманником и учащимся Московского техникума Виктором Эйдином. Попробуйте решить эти задачи.

Н. КРАПЛИН

Белые начинают и дают мат в три хода.

Л. ПАСМАННИК

Белые начинают и дают мат в два хода.

В. ЭЙДИН

Белые начинают и дают мат в три хода.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартанская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Коммунарка Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделе: литературы и искусства — доб. 2-15; игра и публицистика — доб. 3-52; физкультуры и спорта — доб. 3-44; сатиры и юмора — доб. 4-79; прием: доб. 3-83; науки и техники — Е 7-65-02; информация — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разунаевич [заместитель главного редактора], Е. И. Рыбников, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Б. Стуков.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Вудина.

А 00034. Подписано и печатано 22/IV 1962 г.

Тираж 800 000 экз. Изд. № 909.

Заказ № 1373. Формат бумаги 70 x 106/8.

№ 10. Д. л. — 5-48 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил В. ГАВРИЛОВ
(г. Москва)

По горизонтали:

- Остров в Индонезии.
- Селенитый железосец и графит. 8. Город на Алтае.
- Сибирская река. 15. Сорг эвских аблок. 17. Раднвоинный элемент. 19. Сосуд из огнеупорного материала для плавки. 20. Свободный триб. 21. Устройство для выпуска двигателя. 22. Декоративное травянистое растение. 23. Иреченно, култар, предшествовавшая литературному произведению. 24. Представительница народности, населяющей остров на севере Тихого океана. 26. Прозрачный твердый материал. 28. Целебная минеральная вода. 29. Минерал из группы алмазатов. 30. Варьер вдоль края океана. 32. Струнный инструмент русских народных оркестров. 34. Автор комедии «Станиславский». 35. Страна действующих лиц в романе А. Степанова «Порт-Артур». 36. Сульфатно-лаурат Натрия.

По вертикали:

- Помещение на корабле.
- Герметичная кабина в ранете для космонавта и гриборов. 3. Автор повести «Канар Дербант». 6. Строительное явление воздуха. 7. Отделок, тонкая рачлище. 9. Тригонометрическая функция. 11. Солонце озера в Казахстане. 12. Медицинская грубова. 13. Курорт на Северном Кавказе. 14. Порт в Тунисе. 16. Направление, периодическая курсу судна, самолета. 17. Аппарат для размагничивания рукописей, чертежей. 18. Знаитый молочноый механизатор, дивизия Героя Социалистического Труда. 24. Единица силы электрического тока. 25. Административная единица Монгольской Народной Республики. 27. Отметка на графике. 28. Металл одной из союзных республик нашей страны. 33. Точка на дуговой орбите, наиболее удаленная от Земли. 38. Корневой год, пропавшая культура.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

- Катаев. 8. Руффо. 9. Ратмир. 11. Барбаан. 13. Кузбасс. 16. Эгна. 17. Трап. 18. Самбо. 19. Нигр. 20. Ангара. 22. Десст. 23. Визит. 24. Воронина. 26. Целебная минеральная вода. 29. Минерал из группы алмазатов. 30. Варьер вдоль края океана. 32. Струнный инструмент русских народных оркестров. 34. Автор комедии «Станиславский». 35. Страна действующих лиц в романе А. Степанова «Порт-Артур». 36. Сульфатно-лаурат Натрия.

По вертикали:

- Гана. 2. Явля. 3. Презамбула. 4. Полуфинал. 5. Араб. 6. «Утес». 7. Каштан. 10. Романс. 11. Баталон. 12. «Росарио». 14. Адрокат. 15. Стрелок. 21. Анималекст. 23. Остер. 26. Кремс. 28. Олена. 29. Ойот. 31. «Энергия». 32. Володино. 33. Обна. 34. Привода. 36. Берлинге. 37. Медаль. 38. «Восток». 42. Нессон. 48. Номи. 49. Валя. 51. Трап. 52. Веер.

Первая страница обложки: «Ну как, искусство» — сиринский депутатский повар Лосос Миндиди — Сергей Жукова. (Фотографии из московских, сменивших столицу прописку на сибирскую, см. на страницах 1-3).

СВЕЧИ — непостоянно наступление Нового года наблюдается у землекопов. Оно зависит от погоды. Новый год, по их мнению, начнется тогда, когда выпадает первый снег.

СВЕЧИ — оригинальные — огненные — часы бытовали в древней Китае и появились там задолго до календаров. Огненные часы представляли собой особые свечи с делениями. Приготовляли их из особого состава, который обеспечивал равномерность горения. Кроме того, в фитиль добавляли примеси различных пахучих трав, чтобы через каждый час свечи издавала определенный запах.

СВЕЧИ — древнее любовное послание было найдено недавно при раскопках в Иране. Письмо послано юной девушке, которую он просит о свидании. Письмо, конечно, примерно похоже на письмо, которое вы получаете за доставку этого письма на измененной плите весом в 15 килограммов!

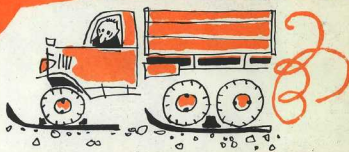
СВЕЧИ — Большая в мире лягушка — лягушка-голиаф. Длина ее достигает 30 сантиметров. Велика также североамериканская лягушка-бам, которая весит до 600 граммов. Мясо этой лягушки употребляют в пищу, особенно ценится так называемое «лягушачье око». В США специальные охотничьи законы определяют сроки охоты на лягушек. Лягушек ловят сетями, на удочках, а также стреляют из ружей мелкой дробью.

СВЕЧИ — необычные пастушки встречаются в Южной Африке. Обычные старые скрываются здесь от страусов. Эти сильные, быстрые птицы весьма ретиво исполняют свои пастушеские обязанности.

СВЕЧИ — верным помощником в ловле черпака на Кубе является рыба-прилипака. Черпака с помощью рыба-прилипака выловили так. Приплыв к хвосту рыбы вараку, рыбаки сбросают прилипаку в направлении обнаруженной черпаки. Рыба немедленно крепко прилипает к добыче и рыбаку остается только вытаскивать ее за веревку обратно на берег и забрать улов.

Собрал С. ФРОЛОВ.

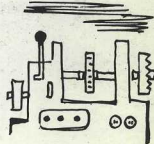
АВТОМАТ И ГОЛОЛЕДИЦА

По широкому асфальтированному шоссе, покрытому шепотом прохладительной корковой алы, мчится машина. Может, пора снижать скорость? Но шофер по-прежнему спокоен. И вдруг, машина сама замедляет свой бег. Оказывается, в автомобиле установлен новый прибор — спидометр охлаждения дороги. Основой прибора

является полупроводниковый датчик, измеряющий температуру воздуха на высоте 20—30 сантиметров от поверхности шоссе. Как только температура достигнет уровня, соответствующего появлению ледяного покрова, подается команда исполнительному устройству, и оно автоматически снижает скорость движения машины.

Ярмарка новаторских предложений

Что можно приобрести на ярмарке? Все, начиная от яркой раскрасочной матрицы и кончая сборным домом. Но вряд ли кто-либо понадеяется купить... рационализаторское предложение. А между тем в Выборгском Дворце культуры Ленинграда недавно открылась настоящая ярмарка этого необычного товара. Посетитель здесь не только знакомится с ценными изобретениями городских новаторов, но может при желании получить чертёж, консультацию, заключить договор о внедрении на своем предприятии выставленных в демонстрационном зале приборов, инструментов, станков.

Микробы спасают леса

Сибирский шелкопряд, безобидная на вид гусеница, уничтожает целые кварталы кедрового леса. После ее нашествия, словно после пожара, остаются лишь голые стволы мертвых деревьев. Испытанные средства борьбы против вредного насекомого — ДДТ и гексахлоран — не произ-

водили на прозорливую гусеницу никакого впечатления. Как же с ней бороться?

Иркутский микробиолог Евгений Талалаев нашел недавно бациллу, вызывающую индолозу среди сибирского шелкопряда, но безвредную для животных и человека.

Сейчас на 1-м Московском заводе бактериальных препаратов производится белый порошок, содержащий миллионы спор этой полезной бациллы, которой предстоит спасти леса.

Газ из царства Нептун

Там, где добывают нефть, обычно всплывает голубой стонг — верного спутника — газа. Через несколько лет жители Ашхеровского полуострова получат газ прямо из моря — из царства бога Нептуна. Подводная газовая магистраль, спроектированная в институте «Газпромнефть», пройдет от Нефтевых залежей до Большой земли по дну Каспийского моря. Ее строительство предполагается начать в 1963 году.

Кончилась смена. Девушки во главе со своим бригадиром Валей Селвяновой возвращаются домой. Их ждет очередная пачка писем, пришедших в Днепропетровск со всех концов страны, от знакомых и незнакомых людей.

Фотоочерк о Вале Селвяновой и ее подругах см. на стр. 12—13.

